

ШКОЛЬНИК ВЕСТИНИК

6+

5/2024

Учредители журнала:	СОДЕРЖАНИЕ
АО «Молодая гвардия» и коллектив редакции	Внимание, конкурс! 1
Главный редактор Ю.И. Кочетков	ДЛЯ ВАС, РОДИТЕЛИ И УЧИТЕЛЯ Наталья Седельникова. Семейный разговор Первые шаги к самостоятельности 2
Редакционная коллегия:	Екатерина Шевичева. Тифлопедагог — профессия по призванию 8
С.В. Винокурова	День, когда кончилась война 24
В.З. Денискина	Своя Великая Отечественная 33
И.Н. Зарубина	Виктор Глебов. Рассказы 39
О.В. Клековкина	ПРОБА ПЕРА Конкурс юных авторов 56
Ю.И. Котов	НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ Михаил Суворов. Стихи 64 «Им всем по двадцать с небольшим...» 68
Т.М. Морева	АЗ, БУКИ, ВЕДИ Наталья Волкова. Стихи 80
И.И. Семёнова	Людмила Уланова. Из рассказов девочки Лёльки, которую на самом деле зовут Маргарита 85
А.П. Торопцев	

ВНИМАНИЕ, КОНКУРС!

Наш литературный конкурс «Проба пера» продолжается и в 2024 году.

Условия остаются прежними. Все участники конкурса разделены на возрастные категории:

младшая категория — 1 — 5 класс;

средняя категория — 6 — 8 класс;

старшая категория — 9 — 11 класс.

За первое место победитель получает приз, о котором мы объявим позже и который вас не разочарует.

За второе и третье места авторы также получают ценные призы.

Тексты принимаются в электронном виде на адрес: schoolvestnik@mail.ru

Окончание приёма заявок 1 декабря 2024 года.

Жюри конкурса — редакция журнала «Школьный вестник».

Надеемся на ваше активное участие и желаем творческих успехов!

ДЛЯ ВАС, РОДИТЕЛИ И УЧИТЕЛЯ

Наталья Седельникова

*педагог-психолог, равный консультант, автор
проекта поддержки незрячих и слабовидящих
«Мир иначе»*

СЕМЕЙНЫЙ РАЗГОВОР*

ПЕРВЫЕ ШАГИ К САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

КОПИЛКА НАВЫКОВ

ЧАСТЬ 5

Мы продолжаем тему развития навыков приготовления пищи. В предыдущих статьях мы подробно рассказали, как помочь ребёнку их освоить. Какие у вас успехи? Напишите, что ваш ребёнок самостоятельно приготовил, научился ли он чистить картофель и овощи, а может быть, уже сварил кашу для воскресного семейного завтрака?

*Продолжение. Начало читайте в № 7 за 2023 г.

В этой статье мы поговорим про использование ножа. Почему-то нож вызывает у многих родителей панический страх. На самом деле ничего в нём страшного нет. Незрячие активно используют различные, на первый взгляд небезопасные, приспособления. Ко всему нужна привычка, всему можно научиться, просто нельзя пренебрегать правилами безопасности.

1. Нож не должен быть очень острым, но и слишком тупым тоже не должен быть.

2. Все ножи на кухне должны храниться в строго отведённых местах.

3. Во время использования ножа он должен лежать остриём от себя и лезвием вовнутрь. То есть если ребёнок режет правой рукой, то лезвие повернуто влево, если левой, то лезвием вправо (лезвием к доске).

4. При использовании ножа не нужно торопиться и отвлекаться.

5. Не нужно сильно нажимать на нож и делать резкие движения.

6. Не наклоняться вниз при использовании ножа.

7. Никогда не держать нож острым концом вверх.

8. Как только мы завершили действие, сразу кладем нож, не держим его в руках.

Проще всего начинать тренировку с нарезания огурца. Он достаточно упругий, при этом не слишком твёрдый.

Техника нарезания продукта вслепую

Для удобства объяснения мы будем использовать термины «ведущая рука» и «вспомогательная».

Для начала необходимо обустроить место, где незрячий будет резать. Ему ничего не должно мешать. Рядом с разделочной доской должно быть свободное простран-

ство, чтобы нож ни во что не упирался и локти тоже могли двигаться свободно. Размер доски должен соответствовать размеру продукта, то есть быть в три раза больше него, чтобы было удобно резать и отодвигать нарезанные ломтики.

Продукт на доске придерживается вспомогательной рукой так, чтобы указательный палец касался по верхней грани того места, где будет срез. Поясним на примере.

Представим, что у огурца уже срезан край. Чтобы дальше огурец резать колечками, нужно вспомогательной рукой держать огурец так, чтобы указательный палец как бы лежал на шкурке огурца сверху, касаясь подушечкой края. Ведущей рукой надо вести нож по доске лезвием вниз, параллельно надрезу огурца, пока нож не прислонится к нему.

Разделим этот процесс на этапы.

1 этап. Огурец лежит на доске, указательный палец его придерживает и фиксирует тот край, где будет сделан срез. Ведущая рука прижимает плашмя нож к срезу, лезвием вниз.

2 этап. Не отрывая от среза, надо поднять нож до верхней поверхности огурца. В этот момент указательный палец вспомогательной руки передвигается от среза на расстояние, равное ширине желаемой толщины кусочка. Нож, достигнув края огурца, двигается по нему до указательного пальца вспомогательной руки. Здесь фиксируется положение ножа, а палец, чтобы его не задеть, немного отодвигается. Теперь можно резать, режущая плоскость ножа по отношению к доске располагается перпендикулярно.

Дальше всё повторяется — ножом вверх вдоль среза, потом по поверхности продукта на нужную толщину и вниз.

Кажется, достаточно несложное действие, но на самом деле без зрительного ориентира очень сложно отрезать кусок с ровным краем. Нож так и норовит пойти не строго вниз, а под углом. Но это дело тренировки.

Чтобы не использовать всё время продукты, можно немного потренироваться с помощью стека и пластилина.

Следующим продуктом для тренировки могут стать хлеб, колбаса, зелень.

Очень важно при использовании ножа и работе со сковородой не наклоняться, даже если есть маленький остаток зрения. Лучше учиться делать все действия вслепую, это убережёт от лишнего риска, например от брызг раскалённого масла со сковороды. Остаточное зрение, особенно если оно очень незначительное, часто создаёт иллюзию того, что ты что-то действительно видишь, а это может оказаться обманом зрения, поэтому лучше делать упор на другие органы чувств. Конечно, если остаток зрения есть, его безусловно можно и нужно использовать, но не стоит ориентироваться только на него, нужно параллельно использовать осязание и слух.

Ребёнку очень важен результат, поэтому придумывайте каждый раз какое-то блюдо, для которого продукты надо резать. Например, когда готовите салат, распределите обязанности — ребёнок режет огурцы, а вы помидоры.

Если ребёнок учится резать хлеб, предложите ему попробовать нарезать колбасу или сыр и сделать самостоятельно бутерброд. Ведь очень важно получить результат, это мотивирует.

Усложняйте каждый раз кулинарную задачу. Пусть сначала ребёнок самостоятельно приготовит салат из

овощей, потом салат, в который нужно добавить консервы и предварительно самостоятельно сваренные продукты.

Отдельно хочется сказать несколько слов о выпечке. Это вполне доступная часть кулинарии, и незрячие очень успешно пекут не только кексы и пирожки, но и делают сами торты и даже украшают их.

Здесь основное — уметь организовать рабочее пространство, чтобы легко переходить от одного пункта рецепта к другому и чётко соблюдать их, а также использовать большие емкости, в которых надо насыпать муку и сахар. Эти моменты мы разбирали в предыдущих статьях.

В выпечке практически всегда используются яйца, и часто необходимо отделять белок от желтка. Это тоже не представляет никакой сложности, но потребует тренировки.

Для начала надо научиться разбивать яйцо так, чтобы не повредить желток, то есть тренировать силу удара. Далее яйцо выливается в блюдце, чтобы аккуратно пальцем найти желток. Его очень легко определить тактильно: он выпуклый, упругий, круглый. Его нужно подцепить ложкой, придерживая пальцем вспомогательной руки. Далее, не убирая с него палец, а возможно даже придерживая его уже двумя пальцами, надо поднять ложку над блюдцем и подождать, пока белок отделится и в ложке останется только желток.

При использовании духовки лучше надевать высокие варежки, чтобы максимально защитить руки от случайных касаний к горячим поверхностям.

Если зрячие определяют готовность выпечки на глазок через стекло духового шкафа, то незрячему необхо-

димо хорошо знать свою духовку и чётко засекаать время. Лишний раз духовку лучше не открывать и не вынимать выпечку, так как она этого не любит. Но поначалу, когда незрячий только обкатывает рецепт, без этого не обойтись.

Готовность можно определить по консистенции. Кекс можно проткнуть ножом и потом потрогать лезвие, сухое оно или влажное. Готовность пирога или коржа для торта можно оценить, слегка дотронувшись пальцем.

Если вы обучаете ребёнка готовить выпечку, сначала сами приготовьте тесто и дайте ему ощутить его консистенцию. Расскажите, что тесто бывает разное и для каждого рецепта оно имеет разную тягучесть и влажность. Пусть попробует раскатать тесто, положить начинку и защепить пирожок.

Потом вместе разложите на противень пирожки и поставьте в духовку. Если ранее ребёнок ещё не работал с духовкой, то сначала познакомьте его с ней, когда она холодная. Потренируйтесь ставить решетку и противень.

Так, маленькими шажочками, учитывая технику безопасности и обязательно получая результат своих трудов, ребёнок научится самостоятельно готовить.

Приобретая навыки самообслуживания, ребёнок становится увереннее в себе и своём будущем.

Успехов вам на пути к самостоятельности вашего ребёнка! Всё в ваших руках и руках самого незрячего! Все бытовые вещи абсолютно доступны для выполнения, нужно только выбрать удобный способ их выполнения и тренировать этот навык.

ТИФЛОПЕДАГОГ — ПРОФЕССИЯ ПО ПРИЗВАНИЮ

Тифлопедагогика (от греческого «typhlos» — слепой) — отрасль специальной педагогики, занимающаяся вопросами воспитания и обучения детей с различными нарушениями зрения. На протяжении многих столетий мало кто задумывался о том, что слепых детей нужно учить каким-либо наукам. Всё обучение сводилось к освоению ремёсел, дающих возможность зарабатывать на хлеб. Гуманистическое отношение к слепым, как к полноценным членам общества, нуждающимся в обучении, социальной и трудовой реабилитации, сформировалось лишь в начале XVIII века благодаря французскому лингвисту и педагогу Валентину Гаюи. В 1784 году в Париже он на собственные средства открыл первую школу для слепых. Им же был разработан первый рельефно-линейный шрифт «унциал», представлявший собой аналог латинских букв, выдавленных на бумаге.

Неоценимый вклад в развитие тифлопедагогики внёс Луи Брайль, разработавший в 1825 году рельефно-точечный тактильный шрифт, основой которого стала комбинация шести точек. Шрифт позволял быстро воспринимать текст, читать и писать на разных языках. В 1837 году вышла первая книга, напечатанная шрифтом Брайля — «История Франции сквозь века». На основе своей рельефно-точечной системы Луи Брайль вскоре разработал и нотную грамоту для слепых музыкантов.

Первая школа для слепых в России открылась в 1807 году в Санкт-Петербурге при Смольнинской богадельне.

Учили там в основном различным ремёслам, пению и религиозным канонам. В 1881 году было учреждено Попечительство императрицы Марии Александровны о слепых. На его средства стали открываться новые школы для детей с нарушениями зрения. Обучение проводилось по схожим образовательным программам и методикам. В частности, слепых обучали русифицированному шрифту Брайля, усовершенствованному отечественными тифлопедагогами. Обучение было платным, и многие слепые по-прежнему не могли позволить себе получить достойное образование.

Основоположником отечественной тифлопедагогики стал врач-офтальмолог Александр Ильич Скребицкий. Он изучал природу глазных заболеваний, опубликовал несколько исследований о слепоте и о помощи слепым в России, принимал активное участие в усовершенствовании русифицированного варианта азбуки Брайля. При его поддержке педагогу Анне Адлер удалось организовать печатание книг по системе Брайля, и в 1885 году в России вышла первая брайлевская книга.

После 1917 года обучение слепых стало частью системы народного образования, и у людей с нарушениями зрения появилась возможность учиться бесплатно. В советский период тифлопедагогика окончательно сформировалась как самостоятельная наука. Большой вклад в её развитие внёс выдающийся русский тифлопедагог Борис Игнатьевич Коваленко. Его исследования и методические разработки в области тифлопедагогики и образования незрячих стали основой современных методик обучения и воспитания слепых и слабовидящих. В 1929 году на дефектологическом факультете Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена профес-

сор Коваленко организовал первую в стране кафедру тифлопедагогике.

«...потеря зрения глубоко потрясает человека, но при современном состоянии науки нет основания считать ослепшего навсегда выбитым из жизненной колеи. Там, где офтальмология оказывается бессильной, в свои права вступает тифлопедагогика. На смену суеверному страху и состраданию приходят специальные приёмы обучения и специальная техника труда, благодаря которым потерявшие зрение могут обучаться и трудиться наравне со зрячими...» — утверждал Коваленко. При его содействии в 1930-е годы в стране стали открываться школы-интернаты и для слабовидящих детей.

Тифлопедагогика продолжает развиваться и совершенствовать прежние достижения. Она стала неотъемлемой частью системы инклюзивного образования, играет важную роль в интеграции людей с нарушениями зрения. Современные тифлопедагоги используют адаптированные учебные материалы и компьютерные технологии, разрабатывают методики и программы обучения. С помощью тифлопедагогов дети с нарушениями зрения осваивают навыки самообслуживания, учатся адаптироваться к быстро меняющемуся обществу, осваивают профессиональные навыки, развивают свой творческий потенциал.

Соблюдение основных принципов современной тифлопедагогике (индивидуальный подход к каждому ученику; активное участие слепых и слабовидящих в образовательном процессе; сотрудничество между тифлопедагогами, другими специалистами, учениками и их семьями) обеспечивает эффективное развитие детей с нарушениями зрения, помогает создать благоприятную

образовательную среду, в которой каждый ребёнок может максимально раскрыть свои способности и добиться хороших результатов.

Большой вклад в развитие мировой тифлопедагогике внесли именно незрячие специалисты, которые дополнили научно-методические изыскания коллег собственным личным опытом. Как сегодня работают незрячие тифлопедагоги и насколько доступна для них эта профессия, рассказала Альбина Вильсуровна Саматова, тифлопедагог, сотрудник Центра ранней интервенции при Российской государственной библиотеке для слепых.

— Как вы пришли в тифлопедагогiku? Что повлияло на выбор профессии?

— На самом деле по первой специальности я журналист. Работала в Российской ассоциации незрячих студентов и специалистов, была главным редактором независимого журнала «Чистый голос», который выпускался на аудиокассетах и в плоскочечатном виде укрупнённым шрифтом. Писали для журнала внештатные корреспонденты из разных городов. Никто из нас тогда не получал зарплаты, всё было на голом энтузиазме. Позднее мы перешли под покровительство библиотеки, которая совершенно безвозмездно записывала наш журнал на аудиокассеты. Издание было довольно популярным и просуществовало с 2002 по 2007 год. У нас было много подписчиков, как частных, так и среди библиотек.

В 2007 году ко мне обратилась одна некоммерческая организация с просьбой рассказать в нашем журнале о грантовом конкурсе Правительства Москвы в области адаптации и реабилитации детей-инвалидов. Я подума-

ла и предложила коллегам поучаствовать в этом конкурсе. Мы составили заявку, разработали образовательный проект для незрячих дошкольников «В первый класс без няни», обосновали требуемый бюджет, и нам удалось получить грант. Он был небольшой, но благодаря ему мы смогли платить зарплату психологу, логопеду и офтальмологу. Библиотека предоставила нам помещение с уже готовым оборудованием, игрушками, и мы начали обучать детей. Все они успешно поступили в школу, что очень вдохновило нас и директора библиотеки.

Вот так началась моя работа в Центре ранней интервенции. Я полностью посвятила себя тифлопедагогической деятельности. Но профессиональных знаний не хватало. Поэтому в 2014 году я окончила Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, получила профильное образование и до сих пор продолжаю работать тифлопедагогом.

— *Чем тифлопедагогика отличается от обычной педагогики?*

— Педагогика — это наука о воспитании и образовании детей и молодёжи. Тифлопедагогика — тоже наука о воспитании и обучении, но только детей с различными нарушениями зрения. Важно понимать, что тифлопедагог — это не учитель-предметник, он занимается коррекционной работой: развивает мелкую моторику, речь, зрительное восприятие ребёнка, учит его ориентироваться в пространстве, прививает навыки самообслуживания.

— *Тифлопедагог — это востребованная профессия? Где сегодня нужны такие специалисты?*

— К сожалению, незрячих детей становится всё больше. Врачи научились спасать малышей, родившихся даже с очень высокой степенью недоношенности, и они

сейчас выживают. Но как они выживают — это уже другой вопрос. Как правило, такие дети имеют серьёзные нарушения здоровья и отклонения в развитии. Зрительная и слуховая системы в этом случае страдают одними из первых. Поэтому профессия тифлопедагога сегодня востребована как никогда.

Прежде всего тифлопедагоги нужны в специализированных детских садах и школах-интернатах для детей с нарушениями зрения, а также в обычных детских учреждениях. Дело в том, что сейчас очень модно инклюзивное образование. Зачастую в обычных детских группах оказываются незрячие дети, а также ребята с различными нарушениями зрения. Конечно, для них создают доступную среду в виде тактильных дорожек или защищённых углов, но этого мало. Неподготовленный педагог или воспитатель всё равно не сможет правильно объяснить незрячему, как лепить какую-либо фигурку, как выполнять определённое упражнение, как правильно общаться со зрячими ребятами.

К незрячим детям нужен особый подход, образовательные методики и приёмы. Для этого необходим тифлопедагог. Благодаря ему незрячий ребёнок будет активно развиваться и не отставать от своих сверстников. Что касается специализированных образовательных учреждений, то их учебные программы включают различные коррекционные занятия, которые должен проводить именно такой специалист.

— *Расскажите о вашем Центре ранней интервенции, чем он занимается?*

— Ранняя интервенция или раннее вмешательство — это вмешательство специалистов в раннее развитие ребёнка. Наша цель — развитие детей с нарушениями

зрения, успешное становление личности каждого ребёнка, его успешная жизнь, в конце концов. Чем успешнее ребёнок будет в раннем детстве, тем легче ему будет адаптироваться во взрослой жизни.

Изначально мы работали с дошкольниками и готовили их к школе. Спустя три года мы поняли, что нужно расширять сферу своей деятельности, поскольку детский контингент начал резко осложняться. Появились сочетанные заболевания, тяжёлые вторичные отклонения. Уже не каждый ребёнок готов пойти в первый класс в семь лет.

Приблизительно с 2009 года мы стали работать с детьми разных возрастов — от младенцев до молодёжи. К младенцам я периодически выезжаю на дом. На этом этапе помощь, поддержка и обучение требуются именно родителям. Когда рождается слепой ребёнок, родители находятся в шоковом состоянии, у них горе, они подавлены. Они пытаются всеми силами вылечить ребёнка, возят его по врачам. Малыш переносит множество операций, испытывает негативные последствия наркоза.

Когда таким родителям говоришь, что не нужно терять время, нужно развивать мелкую моторику, обучать ребёнка элементарным навыкам, они категорически всё это отрицают. Чтобы начать работать с ребёнком, нужно сначала поработать с его родителями. Ведь они до последнего не верят, что их ребёнок слепой. Успешное обучение незрячего малыша во многом зависит от родительских установок и от стиля воспитания в семье. К ребёнку с нарушением зрения нужно относиться как к равному, научиться его слышать и воспринимать. Это не кукла, которую можно покормить, одеть, посадить на

диван, дать игрушку и пойти заниматься своими делами. Поэтому родителей нужно научить обращаться с собственным особенным ребёнком, объяснить, как учить малыша ползать, хватать, перекладывать предметы из руки в руку, переворачиваться на живот, ходить и так далее. Приблизительно в три года детей приводят уже в Центр, и мы начинаем с ними заниматься.

— *Вы сказали, что контингент детей осложнился. С какими детьми теперь вы работаете?*

— Это дети с глубокими нарушениями зрения, имеющие сочетанные заболевания, вторичные отклонения. Это могут быть нарушения слуха, опорно-двигательного аппарата, снижение интеллекта. Так как я сама незрячая, я не могу работать со слабовидящими или с детьми с различными функциональными нарушениями зрения, поскольку в этих двух случаях во главу угла ставится развитие зрительного восприятия. За это я не берусь, так как не смогу лично всё проконтролировать.

— *Ваш Центр ведёт какую-либо научно-методическую работу?*

— Да, конечно. С 2000 года в помощь родителям библиотека выпускает цикл изданий под общим названием «Заочная школа для родителей». Это методические и практические материалы, которые помогают родителям преодолеть трудности воспитания и обучения детей с различными нарушениями зрения. На сегодняшний день цикл включает несколько сотен изданий, и они очень востребованы. Печатаются эти книги в нашей типографии и распространяются по всем библиотекам и социальным службам. Тематика разная. Своим практическим опытом с читателями делятся как специалисты, так и сами родители. Также в этом цикле публикуются

переводы работ зарубежных тифлопедагогов, тифлопсихологов и других специалистов, то есть те материалы, которые в оригинале не каждый прочитает. Причём переводы делают сами сотрудники библиотеки.

— *А ваши авторские работы входят в этот цикл?*

— Я регулярно пишу методические пособия, приблизительно раз в два года. Так что 7 — 8 книг там уже точно есть. Темы, конечно, разные. Обычно я беру какую-нибудь острую проблему, например, «аутичные черты незрячего ребёнка» или «социализация незрячего ребёнка» и на 40 — 50 страницах брошюры раскрываю её. Но это скорее практикум, то есть в некотором смысле разговор с родителями о том, что может быть и как этого избежать.

— *Но вернёмся непосредственно к вашей деятельности. Что представляет собой работа тифлопедагога? Из каких этапов она состоит?*

— Сначала я провожу первичную диагностику: собираю общие сведения о ребёнке, оцениваю остроту зрения, смотрю, что ребёнок уже умеет, отмечаю проблемные моменты, с которыми придётся работать. Конечно же, существуют различные шкалы по оценке развития детей, но я придерживаюсь их весьма условно. Ведь дети приходят непростые.

Кроме того, психолог центра беседует с родителями, оценивает их психологическое состояние, их адаптацию к ситуации, отношение к ребёнку.

Когда все сведения собраны, я разрабатываю индивидуальную программу обучения с учётом возможностей ребёнка, составляю учебный план и начинаю с ним заниматься.

— *Как долго длится каждое занятие?*

— Продолжительность занятия один час. Обычно ребёнок посещает одно или два занятия в неделю. Это зависит от возраста, уровня развития и удалённости проживания ребёнка. Каждое занятие включает 3 — 4 небольших перерыва. Занятия проводятся индивидуально или в подгруппе 2 — 3 ребёнка. Группы формируются не по возрасту, а по уровню развития и интеллектуальной сохранности, чтобы все могли выполнять задания тифлопедагога. Так в одной группе могут оказаться дети 4, 8 и 17 лет.

— *А присутствие родителей на занятиях обязательно?*

— Лично я занимаюсь с детьми только в присутствии родителей. Мне важно, чтобы они визуально контролировали действия ребёнка, видели, какие задания он выполняет, а потом помогали ему закреплять новые навыки на дому.

— *Какова цель ваших коррекционных занятий? Чему в результате должен научиться незрячий ребёнок?*

— Моя основная цель — обучить ребят основным навыкам. В первую очередь — это ориентировка в пространстве. Сначала я обучаю детей ориентироваться в схеме собственного тела, то есть мы изучаем пространственное расположение частей тела, осваиваем такие понятия, как слева, справа, перед собой и прочее. Также я учу детей ориентироваться в микропространстве — на листе тетради, книги, альбомном листе, поверхности стола. И, конечно же, я стараюсь научить их самостоятельному хождению с тростью, так как это необходимо незрячему человеку.

Мы изучаем шрифт Брайля. Я показываю ребёнку колодки разных размеров, приборы для письма, грифель,

учу с ним буквы. Мы учимся понимать рельефный рисунок. Сначала используем тактильные рукодельные книги, а затем переходим к рельефной графике, так как она гораздо сложнее для восприятия. Когда ребёнок пойдёт в школу, ему придётся читать схемы, карты, разные таблицы, поэтому такие знания очень нужны.

Социально-бытовая ориентировка тоже не остаётся без внимания на наших занятиях. Зачастую родители незрячих детей совершенно не учат их элементарному самообслуживанию, полагая, что само всё придёт. Вот только они забывают, что слепой ребёнок не может копировать окружающих и самостоятельно этому обучиться. Случаи бывают разные. Некоторые дети не умеют держать ложку, самостоятельно есть, пьют только из бутылочки, не умеют жевать. Поэтому иногда приходится учить их этим элементарным вещам.

Занимаемся развитием коммуникативных навыков. Многие незрячие дети общаются только с родителями и родственниками. Но они пойдут в детский сад, в школу. Им придётся общаться со сверстниками, воспитателями, учителями. У незрячих детей такого навыка общения нет, и сам он не сформируется никогда. Поэтому я учу ребёнка обращаться ко взрослым на «вы», правильно поворачивать голову и корпус тела в сторону собеседника при разговоре, протягивать руку при приветствии, работаю с его мимикой. Ведь у незрячих мимика застывшая, поэтому собеседнику сложно понять его чувства и реакции.

Обучаю я ребят с помощью индивидуально подобранных методик и приёмов, ведь у них разные возможности. Результаты тоже получаются разные.

— С какими сложностями вы сталкиваетесь при работе с незрячими детьми?

— С обычными незрячими детьми на занятиях не возникает особых проблем. Сложности начинаются тогда, когда к слепоте добавляются побочные заболевания и вторичные отклонения. Например, если у ребёнка помимо слепоты имеется детский церебральный паралич и работают хотя бы руки, то определённым вещам его можно научить. Но зачастую бывает так, что руки и пальцы спастичны. Им сложно удерживать грифель. Вот тогда приходится изобретать велосипед. Когда ребёнок не может правильно сжимать пальцы, его обучают на брайлевской печатной машинке.

Иногда встречаются дети, которые не могут читать по Брайлю. Им сложно идентифицировать объекты на ощупь. Чем мельче объект, будь то рельефный рисунок или точки шрифта Брайля, тем труднее ему понять, что это. Например, я даю ребёнку рельефное изображение ежа. Сам он не может сказать, кто это, ему нужна подсказка. Тогда я начинаю изучать рисунок вместе с ним. Когда я обращаю его внимание на колючки, ребёнок сразу понимает, у кого из животных они есть, и называет его. Научить писать и читать по Брайлю таких детей сложно, но они вполне могут научиться печатать на брайлевской машинке или компьютере.

Другая сложность — это гиперактивные дети. Они не сидят на месте, поэтому первый месяц-полтора мы занимаемся тем, что учимся высиживать хотя бы 15 минут, постепенно прибавляя время. Приходится прибегать к уговорам, обещаниям и прочим возможностям метода кнута и пряника. Это плохо, но это действительно.

Ещё одна проблема — это интеллектуальные отклонения. Очень много приходит детей с тяжёлыми интеллектуальными нарушениями. Так как у меня тифлопе-

дагогическое образование, я не до конца могу этим детям помочь. А они идут ко мне, а не к олигофренопедагогу, потому что этот специалист скажет: «Да вы что, он слепой, я не могу с ним работать». Я тоже не могу с ним работать, но отказать я тоже не могу, так как нарушение зрения — их основное заболевание. Поэтому приходится очень стараться, чтобы добиться хоть какого-то маленького результата, чтобы понимать, что это всё не зря. А иногда бывает, что зря. Иногда полгода ты проработаешь с ребёнком и понимаешь, что случай настолько тяжёлый, что это не имеет смысла. Да много сложностей, обо всём не расскажешь!

— *А что труднее всего даётся осваивать детям?*

— Очень тяжело им даётся развитие мелкой моторики или элементарные навыки самообслуживания, например, застегнуть пуговицы. То есть им сложно выполнять практически любые скоординированные движения руками, мелкие точные манипуляции пальцами и тому подобное. И чем сложнее структура дефекта у ребёнка, тем труднее ему это всё даётся. Поэтому в своей работе особое внимание я уделяю развитию мелкой моторики. У меня в кабинете есть специальные тактильные рукодельные книги, с помощью которых дети могут познакомиться с разными пуговицами, кнопками, застёжками, молниями, научиться различать крупы разных форм и размеров, различные ткани и прочее. Всё остальное можно преодолеть, всему научить, рассказать, показать, помочь. Но если мелкую моторику ежедневно не тренировать, то дальнейшие занятия не имеют никакого смысла. Это просто наш камень преткновения.

— *Какие вспомогательные средства, оборудование, пособия вы используете в своей работе?*

— У нас есть все необходимые дидактические материалы: тактильные рукодельные и брайлевские книги, рельефно-графические и наглядные пособия, методические материалы. Также в кабинете есть беговая дорожка и специальная скамья для балансировки тела, игрушки и многое другое. Очень мне не хватает сенсорной комнаты — это специально оборудованное помещение для развития двигательной активности детей с различными сенсомоторными нарушениями, для снятия тревожности, напряжения, агрессивности, активации мозговой деятельности и нормализации эмоционального состояния. О такой комнате я мечтаю, но в библиотеке, к сожалению, нет свободных помещений.

— *Привлекаете ли вы других специалистов и в каких ситуациях?*

— Конечно, привлекаю. Мы активно сотрудничаем с психологом и другими работниками библиотеки, разрабатываем разные интересные программы и проводим мероприятия в читальном зале. Я всегда взаимодействую с учителями, которые работают с детьми или тифлопедагогами детского сада. Это нужно для того, чтобы мы совместными усилиями двигались в одном направлении, то есть способствовали успешному всестороннему развитию ребёнка. Сейчас я пытаюсь наладить сотрудничество с олигофренопедагогом, надеюсь, получится.

— *На ваш взгляд, какими личностными качествами должен обладать тифлопедагог?*

— Прежде всего тифлопедагог — это равнодушный человек, который любит детей и хочет им помочь. Тифлопедагог должен быть терпеливым и смелым. Нужно научиться не бояться трудностей, которые будут возни-

кать на каждом шагу, не бояться самих детей. Важно уметь общаться с разными людьми. Незрячие дети — это особенные дети, к которым нужен особый подход, а если ещё к слепоте добавляются вторичные отклонения или это дети со сложной структурой дефекта, то помочь им вдвойне сложнее. У родителей тоже свой темперамент, свои проблемы, страхи и прочее.

— *Что должен знать и уметь начинающий тифлопедагог?*

— Начиная специалист прежде всего должен понимать, что он будет работать с детьми, имеющими различные проблемы со зрением, начиная от функциональных нарушений — амблиопия, косоглазие, и заканчивая тотально незрячими детьми, ослепшими по совершенно разным причинам — онкология, недоношенность, травма, офтальмологические заболевания. Он должен знать, что такое слепота и слабовидение, разбираться во всех их категориях и проявлениях. А самое главное — он должен понимать, что для каждого отдельного случая существуют свои приёмы и методы работы, благодаря которым ребёнка с любым нарушением зрения можно обучать и развивать.

Конечно же, нужно не бояться приходить в специализированные детсады, школы, библиотеки, пробовать общаться с такими детьми. Ко мне часто приходят преподаватели со студентами, чтобы посмотреть, как я работаю. Я никогда не отказываю.

— *Насколько эта профессия подходит для незрячих?*

— С одной стороны — подходит. Помимо образования незрячий специалист имеет бесценный жизненный опыт, который пригодится слепому ребёнку. В первое время я очень переживала, как родители отнесутся к

тому, что я незрячий специалист. А в реальности оказалось, что незрячий тифлопедагог наоборот своим примером вдохновляет родителей. Они во мне видят возможное будущее своих собственных детей. Очень тепло родители ко мне относятся, я со многими общаюсь и поддерживаю дружеские отношения.

Но с другой стороны, деятельность незрячего тифлопедагога очень ограничена. Незрячий специалист может работать только с детьми, имеющими тяжёлую зрительную патологию, то есть с детьми, у которых нужно развивать сохранные анализаторы. Это могут быть либо тотально слепые дети, либо ребята, у которых осталось слабое светоощущение, цветоразличение или есть остаточное зрение. Но остаточное зрение позволяет ребёнку различать объекты на очень близком расстоянии. В таком случае вслепую его сложно контролировать. Поэтому мне всегда нужна помощь родителей, потому что я должна понять, что ребёнок видит. В этом плане работать сложно. По этой же причине мы не можем трудоустроиться в любую школу, так как мы не можем работать со слабовидящими детьми.

— *Может ли незрячий тифлопедагог сделать серьёзную профессиональную карьеру?*

— Если честно, я никогда об этом не задумывалась. Я практик. Мне интереснее работать с детьми. Хотя, конечно, как вариант незрячий специалист может уйти в научную деятельность, получить учёную степень, стать доцентом в каком-нибудь университете. Но, к сожалению, научные деятели реальных слепых детей в глаза не видят. Тифлопедагогика не для тех, кто хочет сделать карьеру. Это профессия по призванию.

ДЕНЬ, КОГДА КОНЧИЛАСЬ ВОЙНА

ОЖИДАНИЕ САМОЙ ГЛАВНОЙ НОВОСТИ

Великая Отечественная война закончилась 9 мая 1945 года. Этому дню предшествовали 1418 дней и ночей — почти четыре года смертей, голода, слёз, страха и надежды. 16 апреля 1945 года началась Берлинская наступательная операция. Вот как вспоминает о ней участник боёв за Берлин рядовой Владимир Абызов:

«О предстоящем наступлении на Берлин были оповещены все вплоть до тех, кто находился в ячейках боевого охранения перед самым носом фашистов. Приказ о решающем штурме, отпечатанный тысячным тиражом, и небольшие, размером в ладонь, листовки мгновенно разошлись по батальонам и ротам нашего 1-го Белорусского фронта, которым командовал маршал Советского Союза Жуков.

Уже потом стало известно, что в этот предрассветный час 16 апреля по врагу было выпущено 7 миллионов снарядов, мин и ракет. Трудно представить, что там творилось, во вражеских траншеях!

Мы улыбались. Нет, не злорадствовали — торжествовали. Кажется, вся наша злость обрушивалась на гитлеровцев вместе со смертоносным грузом. Скоро, совсем скоро всему этому будет конец!»

Война приближалась к концу. Со всех фронтов шли сообщения о разгроме гитлеровских армий. Во всём мире люди с нетерпением ждали капитуляции фашистов.

Весной 1945 года Москва постепенно возвращалась к мирной жизни, и город заметно преображался. Москва жила предчувствием скорой победы ещё с первых дней

мая. 30 апреля отменили режим затемнения, который защищал город во время воздушных налётов. «По решению правительства в Москве с 30 апреля отменяется светомаскировка... Москва засветится тысячами окон, уличными фонарями. Это настоящий праздник! А в системе МПВО появились первые безработные — светомаскировщики, первые жертвы, нет, не войны, а её близкого окончания. Побольше бы таких жертв!» — записывает в своём дневнике начальник Инженерного отдела штаба МПВО Москвы Ю.Ю. Каммерер.

2 мая по радио прозвучало сообщение о взятии Берлина, и зазвучали праздничные концерты. «Был такой порядок: когда брали какой-то город, то после этого был салют, и после салюта был концерт. Особая обстановка создавалась с конца апреля. Это было постоянное нарастание, казалось, что воздух раскалён. У нас в дикторской не смолкал телефон. Без конца звонили и спрашивали: “Когда будет важное сообщение?”» — рассказывала о своей работе диктор Всесоюзного радио Ольга Высоцкая. Она работала в эфире в ночь на 9 мая, когда прозвучало так долго ожидаемое сообщение.

Тем временем в пригородном районе Берлина Карлсхорсте десятки журналистов со всех концов света ждали исторического события: здесь в ночь с 8 на 9 мая подписывали акт о капитуляции Германии. В фондах Главархива Москвы хранятся записи репортажа корреспондента Лазаря Маграчёва, в котором он рассказывал, как это происходило. Он был в зале, где проходило подписание акта, и старался передать все подробности:

«Кейтель разворачивает папку с документами, вставляет монокль в глаз, берёт перо и собирается подписать акт. Маршал Жуков его останавливает и показывает ру-

кой, куда надо пойти фельдмаршалу. Кейтель встаёт, потом подходит к столу, садится, берёт ручку, подписывает. Первый экземпляр, второй, третий... Фельдмаршал Кейтель встаёт, обводит взглядом зал. Ему нечего сказать, он ничего и не ждёт. Он идёт к своему месту за столом немецкой делегации. Всё это происходит молча, без слов. Слов уже не надо. Все нужные слова сказали Красная армия и армии наших союзников. Теперь это только безусловная, безоговорочная капитуляция. Больше от гитлеровцев ничего не требуется».

Акт о безоговорочной капитуляции германских вооружённых сил был подписан 9 мая 1945 года в 00:43 по московскому времени, 8 мая 1945 года в 22:43 по местному, поэтому в Европе и многих зарубежных странах День Победы отмечают 8 мая.

«ГОВОРIT МОСКВА»

Обычно сеанс радиовещания заканчивался в полночь, но 8 мая это расписание было изменено.

«Вечером мы несколько раз объявляли, что сегодня радио будет работать в виде исключения до четырёх часов утра. Эту, казалось бы, простую информацию мы старались читать так, чтобы люди поняли: спать не ложитесь. Ждите! И сразу новый поток телефонных звонков. Знакомые и незнакомые, уже счастливые голоса кричали в трубку: “Спасибо! Намёк поняли! Накрываем столы! Молодцы!”» — вспоминал диктор Всесоюзного радио Юрий Левитан.

Все годы Великой Отечественной войны страна с замиранием слушала сводки Совинформбюро и приказы Верховного главнокомандующего в исполнении Юрия

Левитана. И вот 9 мая 1945 года Левитан зачитал долгожданную сводку о Победе.

К двум часам ночи к радио были подключены сотни передатчиков Советского Союза. «Говорит Москва! Через несколько минут будет передано важное сообщение!» — прозвучало из репродукторов. Юрий Левитан рассказывал, что, когда получил в руки текст сообщения, он сжимал кулаки, но старался говорить достойно, уверенно и сдержанно. В 2 часа 10 минут его голос возвестил о полной и безоговорочной капитуляции Германии и завершении Великой Отечественной войны: «Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза! Война окончена! Фашистская Германия полностью разгромлена!» Сообщение потом выходило в эфир ещё несколько раз.

По всей Москве мгновенно поднялась волна ликования. Повсюду зажигались окна, люди выходили во дворы, на улицы. Юрий Левитан вспоминал: «Что делалось в эти минуты на улицах! Сплошные людские потоки, песни, возгласы радости! Кто смеётся, кто плачет от счастья. Проснулся весь город, весь мир! Прорвавшись сквозь бурлящие, ликующие толпы людей, к нам на радио уже пришли поэты, писатели, журналисты, композиторы. Звучат песни, стихи, родившиеся тут же, в студии».

В 06:00 сообщение дополнили подробностями церемонии подписания акта, которые зачитывала Ольга Высоцкая. «...Когда мы вышли на улицу, то тут уже был пир на улице: плясали, играли на гармошке, пели. Одним словом, было что-то невероятное», — рассказывала она.

КАК МОСКВА ПРАЗДНОВАЛА ПОБЕДУ

Москвичи постепенно заполняли улицы и устремлялись в центр — к Красной площади. Люди пели и танцевали, улыбались и плакали. Военный корреспондент Александр Устинов, побывавший на всех фронтах Великой Отечественной войны, где шли главные сражения, вспоминал:

«В ночь на 9 мая 1945 года москвичи не спали. В 2 часа 10 минут Левитан прочитал Акт о безоговорочной и полной капитуляции фашистской Германии и Указ Президиума Верховного Совета СССР об объявлении 9 мая Праздником Победы.

Взяв две „лейки“, я выбежал на Зубовскую площадь. Из всех окон звучала музыка, из всех домов выбегали люди. Они радостно поздравляли друг друга с Победой. У многих на глазах были слёзы — слёзы радости. Появились знамёна. Народ всё прибывал, а многие двинулись на Красную площадь. Сюда со всех концов Москвы стекались люди, началась стихийная демонстрация. Радостные лица, залихватские пляски под гармошку. Качают военных. Люди вздохнули полной грудью. Легко, радостно дышалось — это пришла к нам Победа! А какой же был в тот вечер салют — всем салютам салют: тридцать залпов из тысячи орудий! Лучи ста шестидесяти прожекторов образовали в небе световой шатёр».

Во второй половине дня на площадях начали появляться музыканты, танцоры и певцы в ярких костюмах. Сценами для них становились грузовики с откинутыми бортами. Но главными героями этого дня, безусловно, были военные. Своих защитников москвичи благодарили, обнимали, подхватывали и качали на руках.

В 21 час по радио прозвучало обращение Сталина к советскому народу. Речь слушали на улицах из установленных по всему городу громкоговорителей. А спустя час Юрию Левитану предстояло зачитать последний военный приказ об окончательной победе. Его вручили диктору в Кремле, но оттуда он не смог попасть в радиостудию, до которой, казалось, было рукой подать. На Красной площади было столько людей, что невозможно было сделать и шага. Пришлось выходить в эфир из кремлёвской студии.

«Принимаем решение: бегом назад, в Кремль, там тоже есть радиостудия. Объясняем коменданту, и он дает команду: “Не останавливать двух бегущих по коридорам Кремля людей, чтобы без всякой задержки”. Вот наконец и радиостудия. Едва отдышавшись, срываем с пакета печати. 21 час 55 минут и... “Говорит Москва! Приказ Верховного главнокомандующего...”» — рассказывал Левитан.

Сразу после этого московское небо прорезали лучи прожекторов, грянули залпы салюта. Улицы не пустели ещё несколько часов — народные гулянья продолжались.

КОГДА ДЕНЬ ПОБЕДЫ СТАЛ ВЫХОДНЫМ ДНЁМ И КАК ОТМЕЧАЛИ ПРАЗДНИК В СССР

Словосочетание «День Победы» впервые появилось в статье писателя Ильи Эренбурга «Судьба Победы» в декабре 1941 года, спустя неделю после того, как Красная армия впервые перешла к решительному контрнаступлению в ходе битвы за Москву.

Дата празднования Дня Победы 9 мая была установлена Указом Президиума Верховного Совета СССР от

8 мая 1945 года: «В ознаменование победоносного завершения Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков и одержанных исторических побед Красной Армии, установить, что 9 мая является днём всенародного торжества — Праздником Победы. 9 мая считать нерабочим днём».

В 1946 и 1947 году День Победы отметили на государственном уровне, а 23 декабря 1947 года вышел Указ Президиума Верховного совета СССР, согласно которому день 9 мая — Праздник Победы над Германией — объявлялся рабочим днём. Сейчас трудно себе даже представить, что «самый-самый» из всех наших общегражданских праздников — 9 мая отнюдь не всегда был красным днём календаря. Советские власти решили сконцентрироваться на восстановлении страны. Праздничные мероприятия по-прежнему проводились, но уже не столь масштабные: в трудовых коллективах проходили торжественные собрания, вечером небо над Москвой и столицами союзных республик озарялось огнями салюта.

Следующей важной вехой в истории праздника стал 1965 год, когда страна готовилась отметить 20-летний юбилей со дня Великой Победы. В этом году день праздника 9 Мая вновь стал выходным и вернул себе статус всенародного торжества с праздничным парадом, массовыми гуляньями и салютом.

9 мая в Москве на Красной площади впервые после окончания войны прошёл парад войск и боевой техники Московского гарнизона. Знамя Победы вынес на Красную площадь участник штурма Рейхстага в Берлине Герой Советского Союза полковник Константин Самсонов, ему ассистировали Герои Советского Союза сер-

жант запаса Михаил Егоров и младший сержант запаса Мелитон Кантария — именно они в ночь на 1 мая 1945 года водрузили знамя над Рейхстагом. В 18 часов 50 минут в память о погибших в Великой Отечественной войне в теле- и радиоэфир впервые вышла передача-ритуал «Минута молчания».

«ГДЕ ЖЕ ВЫ ТЕПЕРЬ, ДРУЗЬЯ ОДНОПОЛЧАНЕ?»

Сквер у Большого театра — традиционное место встреч фронтовиков с однополчанами 9 Мая, эта традиция зародилась сразу после войны. Народу было всегда очень много: приезжали в Москву отовсюду, приходили всей семьёй, с детьми и внуками. Все в небольшом сквере не умещались, так что вскоре основным местом встреч стал Центральный парк им. Горького, а позже — мемориальный парк на Поклонной горе.

Однополчане переписывались, договаривались о встрече, чтобы вместе вспомнить свои фронтовые дороги, вспомнить погибших товарищей. В этот день они вновь чувствовали себя молодыми, а для окружающих они были настоящими героями, им дарили цветы, с ними фотографировались.

С каждым годом всё дальше и дальше отдаляется от нас памятный май 1945-го. Всё меньше остаётся на земле тех, кто на фронте и в тылу испытал на себе все тяготы войны, тех, кто выжил в оккупации, в блокаде, в концлагерях. Время неумолимо, многих ветеранов уже нет с нами, но память людская жива. И поддерживает её новое движение — «Бессмертный полк». Место традиционных встреч однополчан заняла встреча потомков.

У нас есть этот день в году — 9 Мая, когда вся страна вне зависимости от национальности и политических взглядов садится за большие и маленькие столы и вспоминает своих отцов, дедов и прадедов, прошедших Великую Отечественную войну или оставшихся навечно на полях сражений. И нет в современной России более объединяющего праздника.

СВОЯ ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

ВОС В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Время неумолимо движется вперёд. Великая Отечественная война всё дальше уходит в глубь истории, но она не стёрлась из памяти людей, и забыть её нельзя. История Великой Отечественной войны — это не только стратегические операции и подвиги великих полководцев, это в первую очередь истории человеческих судеб тех, кто вынес на себе четыре года фронтовых тягот, четыре года ожидания и надежды, кто проявил мужество и героизм в эти годы не только на поле боя, но и в глубоком тылу.

Война никого не обошла стороной. Члены ВОС, как и весь народ, делали всё, чтобы помочь фронту и приблизить победу. Уже на второй день войны во многих первичных организациях ВОС прошли митинги. Незрячие труженики московского завода «Минерал», щёточных фабрик Москвы, Сарапульской артели слепых решили удвоить свои силы и работать по 12 часов в день без выходных. К их инициативе присоединились работники учебно-производственных комбинатов для слепых в Вологде, Череповце, Великом Устюге и других тыловых городах.

Валяная обувь, технические щётки, картонажная тара для госпиталей и вещевого снабжения действующей армии, коробки для мин, хлебные формы для полевых пекарен, железные печки для окопов и блиндажей и многое другое изготовлялось в годы войны руками слепых тружеников.

Не прекращали работу предприятия слепых даже в блокадном Ленинграде, на них трудились почти 300 незрячих. Истощённые, ослабевшие люди, невозможная усталость и слабость, на пределе своих сил плели маскировочные сети, шили рукавицы для тушения «зажигалок»*.

И именно в блокадном Ленинграде впервые в истории нашей страны незрячие люди были призваны на воинскую службу. Случилось это в самом конце 1941 года. К этому времени в город на Неве поступили особые акустические аппараты-звукоулавливатели, принцип действия которых основывался на приёме звука с помощью труб разного размера. Командование силами ПВО решилось на смелый шаг — привлечь к обороне города слепых. Ведь для обнаружения вражеской авиации с помощью этих аппаратов требовался не просто отличный, а уникальный слух, каким они и обладали.

Слухачам, так стали называть незрячих специалистов, удавалось на дальних подступах улавливать звуки приближающихся фашистских самолётов задолго до того, как они оказывались в зоне видимости. Количество жизней, спасённых слепыми слухачами, невозможно, наверное, подсчитать даже теоретически. Каждый месяц благодаря их работе отражались сотни налётов.

Удивительна судьба Героя Советского Союза Якова Петровича Батюка. В раннем детстве в результате несчастного случая он полностью утратил зрение, но не покорился обстоятельствам — успешно закончил университет и работал адвокатом в городе Нежине. В самые первые дни войны три раза приходил Яков Батюк в

*Зажигалка — зажигательная авиабомба.

военкомат. И как ни старался доказать комиссии, что прекрасно ориентируется по слуху, все три раза получал отказ в призыве в армию. Когда фашисты вошли в город, Батюк сумел создать и возглавить подпольную организацию. В данном случае недуг ему был только на руку — оккупанты к нему особо не присматривались.

В начале 1942 года Батюк наладил связь с местным партизанским отрядом. Подпольная группа распространяла листовки о положении дел на фронтах, собирала для партизан информацию о дислокации живой силы и техники гитлеровцев, переправляла в партизанский отряд тех, кто желал вести борьбу с оружием в руках. Подпольщики провели несколько диверсий на электроподстанциях, уничтожили стратегически важную для оккупантов телефонно-телеграфную линию, а один раз им даже удалось пустить под откос грузовой поезд.

Гестапо вышло на след подпольщиков в августе 1943 года: их предал продавшийся гитлеровцам осведомитель. Яков Батюк и большинство членов организации были арестованы и расстреляны. Они не дожили до освобождения своего города всего 8 дней. Указом Президиума Верховного Совета СССР в 1965 году Якову Петровичу Батюку посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. В день гибели ему было 25 лет.

Очень много проблем и неприятностей причинила гитлеровцам спецгруппа под командованием Михаила Никитовича Анипкина, действовавшая в тылу врага на территории Псковской области. Перед ней была поставлена очень трудная задача: не допускать по железной дороге из Витебска вражеские эшелоны к району Ленинграда. И с этой задачей спецгруппа успешно справлялась. Фашисты потеряли покой. Карательные отряды

прочёсывали леса вдоль и поперёк, но никого не обнаруживали. Группа Анипкина словно бесследно исчезала. Недаром Михаилу Никитовичу присвоили псевдоним Быстрый. Их никто не выдал. Анипкин держал тесную связь с партизанами и местными жителями. В каждой деревне у него были свои связные и агенты.

Летом 1943 года Анипкин был ранен и почти ослеп. Лишь в одном глазу сохранился остаток зрения — 2 процента. После госпиталя он вновь возвращается в тыл врага и, будучи практически слепым, с октября 1943 по декабрь 1944 года продолжает командовать своей спецгруппой. Но в боевых действиях теперь кому-нибудь из бойцов приходилось привязывать его к себе ремнём — ночью Михаил Никитович уже совсем ничего не видел. А вскоре наступила полная слепота.

Район действий спецгруппы Анипкина освобождался Красной армией, и война для него закончилась чуть раньше Победы. За боевые заслуги Михаил Никитович Анипкин был награждён одним из высших орденов СССР — орденом Красного Знамени и орденом Отечественной войны I степени.

Война прокатилась по нашей стране от Бреста до Волги, оставив после себя разрушенные города, сожжённые деревни, миллионы могил и огромное число израненных и искалеченных. В списке категорий инвалидности по зрению появилась новая — военноослепший. Тысячи незрячих вернулись из госпиталей, чтобы жить в условиях совсем других физических реалий. Перед Обществом слепых встала важная задача — вселить в сознание потерявших зрение на фронтах Отечественной войны солдат и офицеров веру в жизнь, уверенность, что с утратой зрения не обрываются жизненные связи.

Руководство Общества слепых установило постоянную связь со всеми военными госпиталями. С первых дней войны и до её окончания в госпиталях проводились встречи и беседы с военноослепшими. Им рассказывали о работе Общества, о возможностях учёбы в средней и высшей школах и получении новой профессии. Активисты ВОС учили военноослепших чтению и письму по Брайлю. По отчётам 37 территориальных отделов ВОС на 1 октября 1943 года активом Общества было обучено чтению и письму по Брайлю 1074 и трудовым профессиям — 286 военноослепших.

Работа с инвалидами войны продолжалась и после их выхода из госпиталей. Местные ячейки брали их на учёт, вовлекали в члены Общества, стремились по возможности трудоустроить. Общество слепых взяло на себя заботу и о тех, кому некуда было ехать после лечения. Таких воинов направляли в интернаты для инвалидов Великой Отечественной войны, где создавались самостоятельные ячейки ВОС, они полностью принимали на себя заботу об этих людях.

Если Общество слепых своей повседневной кропотливой работой с инвалидами войны помогало им твёрдо встать на ноги, то и они в свою очередь участием в работе Общества способствовали его дальнейшему развитию. Среди военноослепших было немало людей, имевших глубокие знания, богатый жизненный опыт, навыки практической работы в народном хозяйстве. Общество слепых пополнялось грамотными и высококвалифицированными кадрами. Немало военноослепших становились руководителями и организаторами производственных цехов и предприятий. Это позволило Об-

ществу создать прочную базу для обучения и трудоустройства большого числа незрячих.

Военноослепшие стремились работать, и это побуждало Общество создавать собственные предприятия для трудового устройства незрячих. В 1943 году было создано 58 предприятий по разным профилям производства: щетинно-щёточные, верёвочные, пимокатные*, трикотажные, металлообрабатывающие, бумаго-картонажные, гончарные и др. Война нанесла ВОС огромный материальный ущерб: много предприятий было разрушено в ходе военных действий и разграблено оккупантами, много средств ушло на эвакуацию людей и предприятий. Обществу слепых приходилось там, где это возможно, восстанавливать своё хозяйство, а в подавляющем большинстве строить и оборудовать предприятия заново.

В январе 1945 года президиум Центрального правления ВОС созвал расширенный пленум Центрального правления. Война шла к концу, нужно было думать о послевоенном развитии ВОС. В решениях пленума были заложены основы деятельности Общества в последующие годы. Пленум наметил курс на укрепление имеющихся и создание новых учебно-производственных предприятий, на активизацию членов ВОС и максимальное привлечение к работе в Обществе инвалидов Великой Отечественной войны.

**Пимокатное производство* — производство валяной обуви.

Виктор Глебов

Виктор Александрович Глебов много лет был главным редактором нашего журнала (1966 — 1988). Эти рассказы — воспоминания о его военном детстве.

ЭТО БЫЛО ПОД МОСКВОЙ

Поздняя осень шагала по опустевшим полям и притихшим рощам, ночи напролёт простуженно голосила в печных трубах, а по утрам зябко куталась в тяжёлые туманы. Всё чаще с надрывным гулом летели на Москву тяжёлые фашистские бомбовозы, и всё отчаяннее и дружнее грохотали им навстречу зенитки, а темноту неба вспарывали лучи прожекторов.

Московская школа для слепых детей, в которой я учился до войны, эвакуировалась в далекую Татарию. А я остался дома. Самый верный друг мой Колька тоже не учился. Многие учителя ушли на фронт с дивизией народного ополчения, остальные были заняты на строительстве оборонительных сооружений. И наша поселковая школа в эту осень не работала.

Каждое утро чуть свет Колька прибежал ко мне и ещё с порога засыпал целой кучей новостей.

— Ох ты, Витёк, вчера видел, как в Головинской роще батарею устанавливали! Ну, здорово! А пушки мощные! Ты знаешь, дула — во!

Колька хватал мои руки и так широко разводил их, что у меня возникало сомнение:

— Ну уж прямо и такие... Врёшь.

— Может, немного поменьше, — нехотя уступал он и торопился со следующей новостью: — А на шоссе сапёры работают, гнёзда для мин готовят, ох и часто их на-

рыто! Танки ни за что не пройдут. А за фабрикой доты строят, толщина стенок — во! Снаряд нипочём не возьмёт.

Мы до хрипоты спорили о силе бронебойных снарядов, о преимуществе станкового пулемёта перед ручным и, наконец, накричавшись вдоволь и не придя к единому мнению, отправлялись по делам. А дела у нас были на редкость горячие.

Матери наши с рассвета до темноты пропадали на рытье окопов. И мы, пользуясь полной свободой, развернули самое широкое строительство оборонительных рубежей на огороде. Рыхлая земля поддавалась легко, на перекрытия шли доски от забора. Соседка тётя Даша глядела на творения рук наших и сокрушённо качала головой:

— Ну что вы только делаете?! Тут же весной не вырастет ничего!

— Вырастет, — тоном уверенного в своей правоте человека заявлял Колька и продолжал ковырять лопатой глину.

Блиндаж получился на славу глубокий, в наш рост, с узким лазом, по которому можно было проползти только на животе, вдоль стен низенькие земляные нары и такой же стол, накрытый листом фанеры. Для большего уюта мы натащили в новое своё жильё разного тряпья, старое ватное одеяло, охапки соломы. Когда всё было устроено окончательно, мы с Колькой долго сидели друг против друга и молчали, упиваясь блаженством счастливых новосёлов. Потом Колька завозился на своём месте, шмыгнул носом и сказал:

— Только темно тут и сыро.

Вывод напрашивался сам собой: в блиндаже нужна

печка. Тут же соорудили её в стенке, у самого стола. Палкой пробили дымоход. Колька сбегал домой за сухой лучиной, керосином и спичками. Маленькую печурку туго набили щепками и соломой, облили всё это керосином и подожгли. Пламя полыхнуло жарко, из печурки вымахнули пучки горячей соломы и упали на одеяло. Загорелась вата. Колька пытался затоптать огонь, но опрокинул пузырёк с керосином. Блиндаж наполнился едким дымом. Он лез в горло, выжимал слёзы.

— Бежим! — заорал Колька и толкнул меня к лазу.

Мы втиснулись в узкий проход одновременно и, конечно, застряли. Кашляя и отплёвываясь, мы работали локтями и никак не могли вырваться на волю. Наконец не выдержало перекрытие. Доски поддались под нашим дружным натиском, и мы, перемазанные сажей, испуганные, выбрались на свежий воздух. Колька перевёл дух, сердито пнул ногой лежавшую на земле лопату и взял меня за руку.

— Пойдём отсюда, — сказал он грустно. — Ну его, этот блиндаж.

Зима пришла как-то сразу, с трескучими сухими морозами, с глубокими сыпучими снегами. День и ночь через посёлок шли воинские части, отходили к Москве. Бойцы останавливались у нас на ночлег. Спали в одежде. Оружие держали наготове. Рассказывали, что неподалёку отсюда, под Клином и Дмитровом, идут тяжёлые бои. Мы и сами начали явственно ощущать приближение фронта. По вечерам в тихом морозном воздухе слышно было, как накатывались с запада громы орудийной канонады. Становилось жутко. Ведь Москва совсем рядом, в каких-нибудь шестидесяти километрах. И по-ребячьи неудержимо хотелось: вот бы сейчас оружие такое, как

гиперболоид инженера Гарина. Чтобы всех фашистов сразу, до одного...

Колька не появлялся уже несколько дней. Однажды утром он буквально влетел ко мне, громко стуча мёрзлыми валенками, шумный и радостный. На нём были отцовская будёновка, широкий кожаный ремень с подсумками для патронов и старенькая, но самая настоящая полевая сумка. Оказывается, все эти дни Колька пропадал среди бойцов: то помогал сапёрам, то носил танкистам воду, чтобы залить радиаторы моторов, то просто вертелся возле машин и орудий.

— Ух, сколько войск у нас тут! — восторженно говорил Колька. — И «Катюши» видел! А танки какие!..

— Ты думаешь, не займут немцы Москву? — осторожно задал я ему вопрос, последнее время не дававший мне покоя.

— Ни за что, это уж точно! — твёрдо заверил Колька.

И оказался прав. Двенадцать дней за каналом, совсем близко от нашего посёлка, шли ожесточённые бои, двенадцать дней совсем рядом грохотали пушки, противно выли мины, сухо трещали пулемёты, в небе разгорались воздушные поединки. А дальше фашисты всё-таки не прошли.

Я завидовал Кольке, мне тоже хотелось помогать бойцам. Но чем? Как? Выручил случай.

У нас дома расположилась группа бойцов. Один из них, весёлый добродушный украинец, вечером жаловался своим товарищам:

— Всё бы ничего, воевать можно, только руки у меня зябнут, обморозил я их малость.

«Руки зябнут, — подумал я, — а что, если...»

Когда все уснули, я потихоньку пробрался на печку и

отыскал там свои новые овчинные рукавицы, огромные, пушистые, в таких никакой мороз не прошибёт. Ещё раньше я заметил, где лежит вещевой мешок украинца. Отыскав его, я уложил рукавицы на самое дно.

Утром, когда я проснулся, бойцов уже не было. Мама сказала, что их подняли по тревоге и отправили на передовую. За рукавицы мне, конечно, могло бы и влететь. Но ведь тому бойцу-украинцу они были нужнее, чем нам.

В тот день фашистов погнали от Москвы. По шоссе с шумом проносились наши танки, они спешили на запад. Повеселевшие бойцы шутили: «Теперь до самого Берлина!»

А мы уже больше никогда не рыли блиндажей, не делали деревянных винтовок и сабель. Потому что в наши руки попало множество военных трофеев: винтовочные гильзы и пули, пустые пулемётные ленты и диски, коробки от мин и маленькая обезвреженная зажигательная бомба. У нас с Колькой были даже настоящие стальные каски. Иногда мы надевали их и, выйдя во двор, начинали испытывать крепость защитных шлемов. Вооружившись палками, мы дубасили, друг друга по головам до тех пор, пока не начинало ломить шею и звенеть в ушах. И удивительно, ни одной шишки или синяка. Что значит каска!

На нашу железнодорожную станцию стали свозить трофейную технику. Чего тут только не было: танки и тягачи, дальнобойные орудия и бронетранспортёры. Ребята со всего посёлка целыми днями пропадали здесь. Устраивались настоящие сражения. Мы сидели в танковых башнях, наводили всамделишные пушки и пулемёты и во всю силу мальчишечьих лёгких, не жалея голосовых связок, вели огонь по неприятелю.

Давно выросли из мальчишек мои сверстники, на месте ожесточённых боев близ нашего посёлка высится монумент павшим героям и горит Вечный огонь. Осыпались и сравнялись с землёй окопы и траншеи оборонительных рубежей. А я продолжаю хранить реликвии тех памятных лет — несколько крупных бомбовых осколков в рыжей ржавчине по рваным краям. Они напоминают мне о детстве, о суровых героических днях обороны Москвы.

Я ВСЁ ЭТО ПОМНЮ

*Мы знаем, как пахнут цветы,
Мы помним, как пахнет порох.*

Николай Рыбалко

Качается в окне занавеска, а сквозь погожее июньское утро наплывает со станции вой сирены. Там — фабрика, и там гудит сирена. Ветка проснулась и хнычет в постели, просит молока и сахару. А тут уже идёт война. Отец получил повестку и собирается. Я укладываю в жестянку очень нужные ему вещи: две катушки ниток (чёрную и белую), иголку, бритвенное лезвие, перочинный нож, кусок мыла.

Плачет мама. Бабушка топчется в сенях — пытается найти что-то самое необходимое на войну. А потом крестит отца, целует и уходит в свою комнату.

И вокзал я помню. Много-много народу. Плачут женщины. Притихли ребятишки. И голос над толпой нашего председателя поселкового совета Петра Ивановича:

— За правое дело идёте. Мы вверим — с победой вернётесь...

Я все это помню. И прощальный гудок паровоза.

А потом были ночи. Нет, я не запомнил дни. Ночи я помню. И шли они, тяжело гружённые смертоносным металлом самолёты. Шарахались в небе встревоженные прожектора, злобно взрывкивали зенитки. А их было много. И они шли на Москву. Но когда проходили они, мы слышали, как отвечала Москва. И текли обратно неутолённым волчьим воем стаи под тучами. И гасли прожектора. И небо, июльское, тихое, опускалось над землёй.

Текли месяцы тяжких ожиданий. Чего? Да мы и сами плохо знали — чего. Нет, в то, что победим, мы верили, а вот скоро ли и как — не знали. С самых первых дней мы знали, что побьём врага. Но когда — не ведали.

Шли сентябрьские ночи, октябрьские. И всё страшнее над головой сгущалась тьма. Уже дальние раскаты канонады начали достигать нас. И пришли они — последние ноябрьские дни. Небо обрушивалось. Трещали дома. Что-то лопалось в воздухе. Била из соседнего двора гаубица, солдаты забегали в избу и, набрав полные карманы гранат и подсумки патронов, выбегали наружу. Суетилась бабушка, поплотнее завязывая на шее совсем юного безусого бойца башлык будёновки. А на чердаке нашем двое красноармейцев устанавливали ручной пулемёт и бережно укладывали в пирамидку лимонки.

Вот ты знаешь, что такое страх?! Ну, когда один ночью в лесу, и никого нет рядом. Ты испытывал такое? А это было в сто, в тысячу раз страшнее. Страх и ненависть. И неутолимая мальчишечья злость. И одна жажда: вот если бы смог!.. Если бы были у меня гранаты!.. Забросать бы гадов, до единого истребить. За маму, за папу, за всех!

Протопанная тропинка в снегу, и раскаты грома в небе. Враги идут на Москву, а нас так, кажется, мало. Это мне кажется. А мама приходит и говорит, что на шоссе стоят танки, наши танки! И укрытые брезентом машины подъезжают. Их называют «Катюшами», как это будет всё?

Мы с Гиви ходим по тропинке от крыльца до калитки и обратно. Гиви часовой. Он охраняет штаб. А штаб разместился в нашем доме. Мы подружились с Гиви, и он всегда берёт меня на часы. Он очень хороший — мой Гиви. Он часто останавливается, берёт меня за руку и говорит:

— Вот вырастешь большой, приезжай ко мне в Грузию. Ты слышал про Грузию? Я тебе покажу горы. Ты видел горы? Ты не видел горы?! И ты не видел, как растёт виноград?! Тогда ты ничего не видел. Приезжай в Грузию, всё увидишь.

А в небе плывут громаы. Враг идёт на Москву. И больно мне за Москву.

Гиви ходит и ходит. И приклад его винтовки ударяет меня по коленкам. И дымок его самокрутки щекочет мои ноздри. Гиви, ну где она — твоя Грузия? Только громаы в небе и канонада недалеко. И выбегает на тропинку командир:

— Все за мной!

Бросается в дом мой Гиви. Подсумки с патронами на пояс, вещмешок на плечо. И мне прощальное по шапке: «Будь!» А как мне забыть это «будь»?! Как мне забыть моего Гиви?

Я так привязался к нему за те несколько дней, что стоял у нас в доме штаб. Это Гиви первым из бойцов подошёл ко мне и потрепал по макушке:

— Ну, что такой скучный, орёл?

Это он подарил мне ремень и целую обойму стреляных гильз. А потом дал подержать в руках винтовку и, вынув из неё магазин с патронами, разрешил пощёлкать затвором. Мне нравилось, как Гиви обращался со мной, словно не замечая, что я слепой.

— Ничего, — говорил он, — не горюй. Вот кончится война, приезжай ко мне в Грузию. У нас в Тбилиси такие врачи есть! Чудеса творят! И твои глаза посмотрят. Вылечат, вот увидишь.

Добрый, славный Гиви. В первый же вечер, как они остановились у нас, Гиви взял меня с собой стоять на часах. А чтобы и вправду я почувствовал себя подчаском, нацепил мне на пояс кинжальный штык, одолженный у кого-то из бойцов, и долго возился, прилаживая на моей голове великоватую и тяжеловатую стальную каску...

Вечером вернулись бойцы, но уже одни, без Гиви.

— Погиб твой Гиви, — сказали они. — Троих фрицев уложил, а сам погиб.

И вложили в ладонь мою холодную пробитую звёздочку.

— Это тебе на память от Гиви. С ушанки его.

В самый канун войны у нас в доме отмечали день рождения отца. Двадцать первого июня ему исполнилось тридцать три. Были гости. Пели песни. А меня увёл из дома в сад мой двоюродный брат Шурка, и долго мы бродили с ним между кустами смородины и крыжовника. И долго рассказывал мне он про Чапая, про кино и книгу о нём. Потом вырезал мне из штакетины шашку — настоящую, чапаевскую. А через два месяца ушёл добровольцем на фронт Шурка и погиб под Вязьмой. Толь-

ко письма его остались: «Всё будет хорошо, мама. Всё в порядке. Мы его обязательно побьём, хотя сейчас и трудно бывает. Вчера убило первого номера из пулемётного расчёта, и теперь я буду за него. Ничего, всё переживём. Только скорее бы победить».

И так — тысяча четыреста восемнадцать дней. Ты запомни эту цифру. Ты обязательно засеки её в своей памяти. Тысяча четыреста восемнадцать дней. Голодали и страдали. Ненавидели и плакали. Умирали и надеялись. Это мы — дети. А матери наши трудились и ждали. А отцы сражались и приближали этот День Победы. И пришёл день, когда августовское небо над Москвой взорвали залпы салюта — первого, радостного, за взятие городов. Потом всё чаще стали они. И мы, мальчишки, уже не с любопытством, а с неподдельным ребячьим азартом спрашивали друг у друга: а из скольких нынче будут бить? Из двухсот двадцати четырёх? Здорово! Потому что это была Победа. Победа отцов наших, народа нашего. И наша, значит.

ЭТОТ ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Шла весна сорок пятого года, последняя военная весна. Наша московская школа-интернат уже вернулась из эвакуации из далёкой Татарии. Но Институт для слепых детей на Первой Мещанской (ныне проспект Мира) был пока занят под военную комендатуру, и нас временно поместили в небольшом стареньком доме в Марьиной Роще, недалеко от Минаевского рынка. Жили тесно, жили

трудно, но весело. Весело, быть может, оттого, что Москва входила в свой обычный жизненный ритм, что не выли по ночам сирены воздушной тревоги и не грохотали над крышами зенитки, оттого, что по утрам под беззаботную воробьиную болтовню вставало над городом тихое, ласковое солнце, оттого, наверное, что воспитательница, открывая всякий новый день, торопливо шуршала газетой и взволнованным радостным голосом читала сообщения от Советского Информбюро.

Жилось нам в те дни привольно. Строгих запретов и ограничений мы, пожалуй, не знали! Скорее всего происходило это потому, что изменился состав ребячьего коллектива. Влились в нашу довоенную семью ребята, прошедшие по детству суровыми дорогами войны, испытавшие ужасы оккупации, побывавшие в госпиталях. Многие из них курили, были резки и болезненно раздражительны, с дисциплиной не считались и чувствовали себя этаким вольницей.

Школьного двора у нас не было, и поэтому после уроков, как правило (особенно мальчишки), отправлялись бродить по городу. Предводительствовали в этих походах ребята с остаточным зрением. И вот сразу после обеда мы уходили из школы, чтобы вволю накататься на трамваях, чудом уцепившись за какую-нибудь скобу на левой стороне вагона; чтобы, проникнув мимо контролёров в метро, до головокружения, до тошноты намотаться вверх-вниз по эскалатору.

Главным заводилой во всех наших мероприятиях был мой одноклассник Юрка Задонов. Будто чёрт поселился в этом непоседе. Не мог он и пяти минут пробыть спокойным. Всё чего-то выдумывал, что-то затевал, кому-то строил козни. Его «воспитывали» учителя, ему грозили

устроить «тёмную» мальчишки. Но как-то всё сходило Юрке с рук. Хитрый он был, умел вывернуться и уйти от возмездия.

В тот вечер Юрка казался особенно загадочным и таинственным. После ужина куда-то надолго исчез. Мы вчетвером сидели в классе. Я читал вслух «Цусиму» Новикова-Прибоя, а трое мальчишек слушали, затаив дыхание. Бежали нетерпеливые пальцы по примятым временем строчкам, перелистывались страницы, рассказывал нам бывалый русский моряк о том, как героически сражались, как гибли русские корабли, как гордо умирали наши матросы, не склонив головы перед врагом. Порой у одного из моих слушателей вырывалось восхищённое «ух ты!» и вновь воцарялось напряжённое внимание.

Вдруг дверь с грохотом распахнулась. В класс ворвался Витька Вернов. Он казался чем-то напуганным. И это было тем более странным, что Витька считался самым сильным из ребят и, думалось, не боялся никого. Он ничего нам не объяснил, и мы мучились в догадках: что же произошло? Ясность внёс Юрка. Оказывается, это была его очередная проделка. А особенностью Юркиного характера было то, что о своих «подвигах» он не мог долго молчать. Спешил похвастаться ребятам. И мы узнали, как всё было.

Классы и спальни в нашем доме располагались на верхних этажах. А на первом находились столовая, учительская и разные подсобные помещения. По вечерам здесь было довольно пустынно. В учительской хранились наглядные пособия: громоздились на полках и на полу чучела зверей и птиц, стояли шкафы с географическими картами, муляжами и физическими приборами,

а в простенке между шкафами даже висел самый настоящий скелет, по которому на уроках анатомии мы изучали строение человеческого тела. Но главным атрибутом учительской был телефон, который по вечерам оказывался в распоряжении «любителей изящной словесности». Витька и Юрка буквально до ссор доходили из-за этого телефона. И обычно верх брал Витька, потому что на его стороне была сила. Он попросту отталкивал слабака-претендента от аппарата и вырывал у него трубку:

— Иди спать.

И вот Юрка придумал. В этот вечер, когда утихла школа и опустел первый этаж, он дождался Витьку в учительской. Ни о чём не подозревая, тот пришёл, как обычно сел на стул возле телефона и завёл долгий, бесконечно долгий разговор с одной знакомой девчонкой. Тогда Юрка тихо подошёл к скелету, отцепил с крючка его руку и, подкравшись к Витьке сзади, осторожно провёл костяшками-пальцами по его волосам.

— Кто здесь? — дёрнулся Витька. Ответа не последовало. И снова что-то коснулось его волос. Витька рывком вскинул руку. Он ощутил в своих пальцах... О ужас! Эти сухие гремучие... Он узнал их. На несколько секунд Витька будто окаменел. Потом телефонная трубка со стуком упала на пол. Слышно было, как звенит в ней писклявый девчоночий голос: «Алло, алло...» Но Витьке было не до того. Какими-то неверными торопливыми шагами, весь напрягшись, даже пригнувшись и выставив вперёд руки, он направился к двери, потом, всё убыстряя шаги, — по коридору, к лестнице. И, почувствовав под рукой перила, вихрем взлетел на второй этаж, ворвался в класс, где мы читали «Цусиму». Только тут бедняга перевёл дух.

Рассказывая нам, Юрка, довольный собой, ехидно посмеивался и лишь просил не выдавать его Витьке. Но Витька узнал всё в тот же день. Обозлился он страшно.

— Вздую, обязательно вздую!.. — сжимая кулаки, сквозь зубы повторял он.

Юрка прятался от него. Даже в спальню пришёл после того, как все уснули. И утром встал задолго до подъёма.

До звонка на урок оставалось минут десять. Мы почти все собрались в классе. Каждый был занят своим делом: кто торопился списать домашнее задание, кто беспечно болтал со своим товарищем, кто бесцельно слонялся из угла в угол. Только Юрки не было в классе. Мы понимали — боится.

И вдруг за дверь в коридоре раздался его истошный крик:

— Победа! Ура! Ура! Победа!

Он вихрем влетел в класс:

— Братцы, Победа! Салют! Сегодня Салют!.. Из тысячи орудий!..

Первым бросился к нему Витька Вернов. Он схватил его за плечи, крепко потряхнул:

— Врёшь! Откуда слыхал? Врёшь!

— Ах, врешь?! — заорал Юрка. — Иди в учительскую, посмотри, что там делается.

Тогда Витка отпустил его плечи и, как Юрка минуту назад, заревел ломающимся мальчишеским баском:

— Ура! Победа!

И под напором этой неизбывной радости забыл он свою кровную обиду на Юрку.

В тот день не было у нас уроков, хотя учителя и заходили к нам в класс. Все говорили о Победе — о желанной, долгожданной, наконец обретённой. Все поздрав-

ляли друг друга и ликовали, и пели. Плакала наша старая учительница, у которой три месяца назад погиб на фронте сын. Плакал школьный завхоз дядя Ваня, и скупые слезинки медленно ползли по его морщинистым стариковским щекам. По-бабьи, по-деревенски причитала жена его тётя Таня:

— Ну, что ж делать-то, Вань? Ну, не дожил... Убили, проклятые... А зато день-то нынче какой! Ведь он за этот день жизнь-то отдал.

А вечером гремел над Москвой салют, салют Победы. И рвали темноту майского неба могучие радостные залпы. И многоголосое «Ура!» летело в это уже мирное небо вслед цветистым огненным ракетам. И где-то вдали гремела медь духового оркестра. И хотелось, чтобы этот праздник не кончался никогда.

Тридцать пять лет минуло с тех пор. А я и сейчас до деталей, до мелочей помню тот день. Помню и другие дни, предшествовавшие тому — памятному. Одни — светлые, радужные. Другие — тревожные, чёрные. Помню июль сорок первого, когда шли на Москву надсадно воюющие немецкие «юнkersы». Помню, как к исходу ноября в нашем подмосковном посёлке близ города Яхромы стали отчётливо слышны разрывы тяжёлых мин и снарядов. И по вечерам в наш дом набивалось полным-полно бойцов — озябших, усталых, проголодавшихся. И всю ночь топилась наша печь. И варился в больших вёдрах гречневый концентрат, но не помню я уныния, отчаяния в голосах бойцов. Я слышу их спокойные, не суетные разговоры промеж собой. Их добродушные шутки над дружкой-товарищем, сдержанный смех. А вот жалоб и вздохов не слышу. И это — не кажется мне. Да, так было. Да, наши бойцы ни на минуту не теряли веры

в правоту своего дела, веры в окончательную победу над врагом. Во имя этой веры и выстояли они.

Как-то заночевал у нас пулемётный расчёт. Почти четыре десятилетия прошло, а я не забыл фамилии тех бойцов. Первый номер — спокойный, обстоятельный, неторопливый — Филимонов. И второй номер — совсем юный, живой, энергичный Сорокин. Тогда к ночи всё ближе стали ухать разрывы. И бойцы рассудили без паники: установили в дверях на разномычке свой ручной пулемёт, а рядом выложили на полу увесистые рубчатые гранаты-лимонки. И спали, чутко вслушиваясь в обманчивую ночную тишину.

А потом в нашем доме остановился штаб. И часовой ходил у крыльца. И я, одиннадцатилетний незрячий мальчишка, надев поверх шапки громоздкую, великоватую мне стальную каску, тоже ходил с часовым, потому что хотел приобщиться к этим мужественным, не знающим страха людям, хотел быть ближе к ним.

Не доходя до нашего посёлка двух километров, фронт остановился — и одиннадцать дней ни с места: ни наши, ни немцы. С шипением летели совсем низко над крышей дома снаряды. До ломоты в зубах пронзительно визжали бомбы. И жуткий холодок мурашками пробегал по спине оттого, что так близко был враг. И хотелось плакать, когда долетавшее по трескучему морозцу с недалёкой передовой русское «Ура!» вдруг захлёбывалось и начинало гаснуть.

А на двенадцатый день поутру я вышел во двор и удивился. Но чему? Что-то непривычное было в декабрьском утре. Только постояв и послушав, понял: не было близких разрывов. Артиллерийская канонада бушевала где-то вдали. Мама, вышедшая следом за мной,

спросила у проходившего мимо бойца, что там на линии фронта.

— Отогнали. Почти на двадцать километров отогнали за одну ночь, — весело ответил он.

Плыли, качались в морозном декабрьском небе далёкие пушечные громы. Плыли, качались над заваленными пушистыми снегами равнинами Подмосковья. И всё дальше уходили на запад. Теперь-то я понимаю, что именно эти декабрьские громы стали предвестниками весны Победы, что именно из этих глухих отголосков начавшегося наступления три с половиной года спустя родился салют Победы. Салют, который с нетерпением ждало всё человечество, салют, ставший величавым гимном советскому народу, салют, которому мы — мальчишки сорок пятого — до хрипоты кричали «Ура!».

ПРОБА ПЕРА

КОНКУРС ЮНЫХ АВТОРОВ

Алексей Домашов

ученик 10 класса КОУ ВО «Павловская школа-интернат № 2»

ГЕРОЯМ ТОЙ БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ...

Это было так давно
И вроде бы совсем недавно...
Одно испытание стране дано,
Но отстоял народ его исправно.

И были это годы роковые,
Тревожные, сороковые...
И пройден путь тот был сполна,
Когда катилась по земле война.

Недоуменье, боль, растерянность и страх
Сменил огонь бесстрашия в глазах.
И, погибая, деды и отцы
Всё ж отстояли честь большой страны!

И шли вперед, наперекор судьбе
С молитвой на губах и мыслью о семье,
Сквозь стужу, голод и потери,
Но с мужеством, надеждою и верой!

И не свернули с верного пути
Герои той большой войны,
И не был сломлен наш народ.
О них навеки память в нас живёт!

Теперь под мирным небом говорим,
Что подвиг ваш мы бережно храним
В своих сердцах, и мыслях, и делах.
Вам благодарность со слезами на глазах!

Вера Куличкова

ученица 6 класса Челябинской школы № 127

ЛИСТАЮ СЕМЕЙНЫЙ АРХИВ

Листаю семейный архив... Приоткрыв хоть однажды ту важную, бережно хранимую нашими семьями страницу военных подвигов, мы уже навсегда связаны с военной семейной историей, которая в каждой семье своя, но которая по крупинкам составляет великий подвиг нашей страны в праведной борьбе с фашизмом.

В одном рассказе не раскрыть всех подвигов моих прадедов. Думаю, это только начало моего пути в исследовании причастности нашей семьи к подвигу русского народа. И сегодня я записываю две истории. Первая — из жизни моего прадеда со стороны мамы Василия Петровича Шелопут. К началу войны он преподавал в Киевском

военном училище связи. В декабре 1941 года ушёл на фронт командиром инженерной службы 301 стрелковой дивизии 28 армии Западного фронта. В августе 1943 года под Воронежем был контужен и попал в плен.

Советские военнослужащие, попавшие в плен, сначала содержались либо в прифронтовой зоне, либо в дулагах (пересыльных концлагерях,) расположенных в оперативном тылу немецких войск. Оттуда их перемещали в стационарные лагеря для военнопленных (шталаги, офлагы).

Мой прадед, оказавшись в прифронтовом лагере, дважды пытался бежать. После второго, удачного побега, оказавшись у своих, попал уже в наш лагерь НКВД по репатриации военнопленных.

В лагерях по репатриации существовал гулаговский режим: колючая проволока, вышки и посты, прожектора по ночам, запрет на выход, конвоирование до места работы и обратно и т.д. Как ни странно, но особенно жёсткий режим ждал тех, кто в немецких лагерях принимал участие в побегах или находился в рядах сопротивления, в таких случаях карточка заключённого отмечалась красной полосой, означавшей — «склонен к побегу».

За время войны на моего прадедушку дважды приходили похоронки, но семья не верила в его смерть и ждала. Вышел из лагеря он в 1947 году с поражением в правах. Сейчас не все знают, что это такое. Сразу возвращаться домой не стал, боясь, что пострадают близкие. После, когда он устроился в Рубцовске и нашёл работу, к нему приехала семья.

В трудное время проходило детство моего дедушки — Юрия Васильевича Шелопут, который родился за два года до начала войны. С мамой и старшим братом в

эвакуации они пережили войну, веря, что отец вернётся живым. Освобождение и возвращение отца из лагеря воссоединило семью. Но также и сказалось на дальнейшей жизни всех членов семьи — шрамом легло на их судьбы... А в 1985 году прадедушка был награждён орденом Отечественной войны II степени.

Вторая история касается моего прадеда и прабабушки по линии папы — Ивана Васильевича и Антонины Александровны Булатовых. Последние годы войны они прошли вместе.

Прадед Иван Васильевич Булатов был призван в Красную армию в 1939 году и сразу был отправлен на Западную Украину в составе кавалерийского полка. Там и встретил начало войны. Был дважды ранен. Служил в разведке, потом в контрразведке СМЕРШ. Закончил войну в звании майора уже на Восточном фронте в 1946 году, где воевал с Японией.

У прабабушки Антонины Александровны Булатовой начало войны совпало с выпускными экзаменами фельдшерской школы. В первый же день совсем юная и отважная девушка ушла добровольцем на фронт и всю войну служила медсестрой во фронтовом госпитале. На войне познакомилась с моим прадедушкой, и они поженились. После войны и до самой пенсии она работала в Челябинской областной больнице.

Мои прабабушка и прадедушка Булатовы награждены медалями и орденами Великой Отечественной войны.

Я горжусь своими дедами и прадедами, но не только своими.... Я люблю читать бережно написанные рассказы, биографии, повести про совсем незнакомых мне людей. И я уверена — каждый раз, соприкасаясь с этими важными страницами семейных архивов, хранящими

истории военных подвигов, мы получаем возможность познать неведомую глубину, силу, великодушие и способность к высокой жертвенности русского человека, стоящего на защите своей Родины.

Матвей Медянецв

ученик 6 класса Челябинской школы № 127

ЛЕНЬ

Мальчик сидел за столом и писал сочинение. Он остановился и задумался о том, что ему ещё написать?

— Друг мой любезный, а ты уверен, что оно того стоит?

Мальчик обернулся и увидел позади себя тень.

— «Наверное, мне показалось...» — взволнованно прошептал мальчик.

Внезапно тень начала приближаться. Она заявила:

— Может, тебе не обязательно писать это сочинение?

— Обязательно!

Тень подошла ближе и, оказалось, что она была похожа на очень некрасивого худого и высокого человека. Она произнесла:

— Предположим, ты не напишешь сочинение. Но беды не будет! Не будет трагедии и разных других плохих событий. Ничего этого не случится.

— И что?.. Да и кто ты такая, чтобы мне приказывать?

— Что ж, я чувствую, что желание заниматься этой дребеденью у тебя начинает уменьшаться!..

Мальчик, действительно не хотевший писать сочинение, сидел в недоумении.

— Кто я такая? Меня зовут Лень. Я обязана спасать людей! Я подсказываю, что им нужно делать ради их блага. А тебе я говорю взяться за ум. Ты выглядишь как дурак, как балбес, когда строчишь в тетрадь непонятно что и непонятно зачем! Заканчивай всё это! Или сделай это потом!

Мальчик закрыл тетрадь и, помолчав несколько секунд, спокойно, но с нажимом спросил:

— А с чего ты взяла, что спасаешь людей?

Лень остолбенела.

— Ты что, реально не понимаешь? — спросила она.

— У меня к тебе такой же вопрос. Ты разве не понимаешь, что ты приносишь людям вред и тебя это не волнует!

— Я пыталась спасти тебя, а ты! Прощай, бедный мальчик, сам обрёл себя на бесконечные проблемы в короткой жизни!

Лень исчезла, а мальчик раскрыл тетрадку и продолжил писать сочинение.

Илья Абдуллин

Ученик 6 класса Челябинской школы № 127

КОСМОС

У мальчика Вовы была огромная мечта: попасть в космос. Он хорошо учился и любил астрономию, слушал каждое слово учителя, параллельно записывая информацию в свою космическую тетрадь.

И вот Вове уже 30 лет. У него есть дети и любящая жена. Но несмотря на это, он всё равно горел желанием

улететь на ракете в космос. Работал он в центре космической станции «Уран» тестировщиком.

В один из дней инженеры улучшили центрифугу. И Вова дал поручение проверить её работоспособность. Когда Вова уселся в кресло и пристегнулся крепким ремнём, центрифуга начала свою работу.

— Жизненно важные элементы Вовы в порядке, продолжаем тесты! — сказал главный врач в центре «Уран». Все удивились, что Вова даже бровью не повёл.

В раздевалке к нему подошёл директор компании.

— Вы прекрасно держались во время теста! — похвалил он молодого человека.

— Благодарю, — сдержанно ответил Вова.

— Не хотите ли пересесть на реальную ракету? — предложил директор.

В голове Вовы все мысли смешались: он не знал, что ответить. И собравшись с мыслями, он промямлил что-то вроде: «Я подумаю».

Всю ночь Вова не спал и думал. Улететь в космос или остаться со своими детьми и женой?

Наступило утро. И теперь он уже не тестировщик, а лётчик корабля «Главная Ракета Урана».

Запуск состоялся. Вову прижало к креслу, и вот через секунду он уже в огромном бесконечном пути: Луна, Солнце и главное — Земля! Вова видит всё.

Посмотрев в иллюминатор, он увидел Марс, Юпитер, Нептун и другие планеты Солнечной системы. Совершив посадку на Луну, Вова надел скафандр и вышел на поверхность со своими товарищами.

Невесомость сразу откинула Вову в пустоту, но благо он был привязан к своему кораблю. И вот прошло несколько часов, время улетать на Землю.

— Я бы остался ещё, — сказал Вова.

— Понимаю, — ответил его товарищ.

Усевшись в ракету, они начали отрываться от поверхности Луны, и тут на весь корабль раздался громкий звон. Это сработала система безопасности «Урана»: «Центральный модуль повреждён на 74 процента». Всех охватила паника.

Вова подбежал к центру управления и определил причину поломки. «В модуль двигателя попал лунный камень!» — воскликнул он. Никто не решился выйти на огромной скорости в космос и достать зловещий камень. Кроме Вовы. Надев скафандр и привязав его к крюку, он открыл дверь и вышел в чёрное пространство. Подлетев к двигателю, он увидел маленький камень. Достав его, он положил его в карман скафандра и вернулся на корабль.

— Вот он, маленький шалун! — воскликнул Вова.

Приземлившись на космодром, команда «Урана» вышла под бурные аплодисменты.

— Молодец, Вова! — сказал директор.

Уже не тестировщик, а лётчик Вова достал тот самый камень и показал директору.

— Из-за этого злодея мы чуть не погибли! — сказал он и положил камень в руку своего собеседника.

— Он будет храниться в музее центра! — воскликнул директор.

Вова благополучно вернулся домой, где его ждали дети и жена.

НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ

Михаил Суворов

СОЛДАТЫ

Я видел, как плачут солдаты.
Припомнилось это не зря.
Зарыли сестру медсанбата,
Прикрыли снежком января.

Еловые ветки поставив,
Никто уходить не спешил.
Салют троекратно растаял
В лесной затаённой глуши.

А слёзы свинцово копились,
И зло тяжелели глаза.
Солдаты, казалось, молились,
Но зрела в молитве гроза.

За девочку с русою прядкой,
За синий угаснувший взгляд
Рванутся в атаку ребята,
Не ведая в гневе преград.

Я, варежкой нос вытирая,
Внезапно промёрз до нутра:

Расплата, до жути простая,
Мальчишку навек потрясла.

Сутуло клонясь на лопаты,
Стояли солдаты в снегу.
Я видел, как плачут солдаты, —
Увидеть бы это врагу!

Я ПОМНЮ

Я помню глаза сестрёнки,
Я помню такие глаза,
В которых стояли потёмки
И медленно стыла слеза.

А рядом порхали стрекозы,
На крыльях — голубизна.
А рядом в закате розовом
Ворочалась глухо война.

Она уползала неловко,
Таща за собою, как хвост,
Траншеи, колючую проволоку,
Пожары и длинный погост.

На нём и солдатские каски,
И с голода вымерший люд...
В глазах у сестрёнки неласково
Голодные тени снуют.

Не знал её маленький ротик
Ни хлеба, ни молока...

Я помню, нетёсанный гробик
Игрушкой поплыл на руках.

Я помню, я плакал отчаянно,
Но молча сутулилась мать,
Таким материнским молчанием,
Как пулями, можно стрелять.

ПОЛЕ

Скажите слово «поле»,
Скажите про себя,
Скажите вслух на воле,
Где ветры вам трубят.

Скажите и молчите,
И слушайте всерьёз,
Как перепёлка в жите
Считает зёрна звёзд.

Пахнёт далёким детством,
Дотошным и босым.
Вам никуда не деться
От молодой грозы.

Гроза промчится ливнем,
Синей, чем васильки.
Нельзя не быть счастливым
На поле у реки.

Шумят кругом колосья,
Шумит в реке вода —

А память вдруг уносит
В минувшие года.

...Вот морщится от боли
Московский юный князь
На Куликовом поле,
Где Русь за меч взялась,

Где с гордого кургана
Орда скатилась в прах.
Паломники-туманы
Бредут в седых полях.

Но вот в Первопрестольной
Ударил вдруг набат.
На Бородинском поле
Редуты встали в ряд.

И чёрную повязку,
Что заслонила глаз,
Поправил, словно маску,
Неспешный мудрый князь.

Звучит приказ изустный:
Преодолев тоску,
Пропустит он французов,
На гибель их, в Москву.

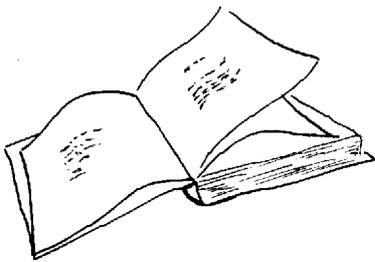
...А поле, что же поле?
А поле хлеб родит,
А поле хлебом с солью
Готово угостить.

Но танки, что явились
С крестами на броне,
Среди хлебов дымились
И плавилась в огне.

В далёком или близком,
Победа не легка:
К печальным обелискам
Дорога коротка.

Трудна у поля доля,
Но мы навечно с ним.
И мы родное поле
В обиду не дадим!

«ИМ ВСЕМ ПО ДВАДЦАТЬ С НЕБОЛЬШИМ...»

Небольшая книжечка в скромной бумажной обложке, сборник стихов «Друзьям», или, как гласит подзаголовок, «Тетрадь стихов студентов Литературного института Союза советских писателей. Первомайский подарок фронтовикам» — теперь настоящая библиографическая редкость. Сборник был задуман в Литературном институте в тяжелейшие годы войны и выпущен в самый её разгар, в 1943 году тиражом в 300 экземпляров.

Как писала в своей книге воспоминаний «Щепкой в потоке» одна из студенток Литинститута первого военного курса Руфь Тамарина, в предвоенную пору здесь

собралась поистине «могучая кучка» поэтов. В семинаре у Сельвинского занимались Александр Яшин, Михаил Луконин, Елена Ширман, Михаил Львов, Борис Слуцкий, Евгений Агранович, Борис Лебский, Михаил Львовский и Михаил Кульчицкий. Бывали на занятиях погибшие потом на войне студенты-заочники Илья Лапшин и Евгений Поляков. Можно с полным основанием сказать, что самая интересная молодая поэзия Москвы была сконцентрирована в этом семинаре. Когда началась Великая Отечественная война, все сразу же, не дожидаясь повесток, попросились добровольцами на фронт.

Удивителен сам факт выхода в свет этого сборника, ставшего реальным опровержением крылатого латинского изречения «когда говорят пушки, музы молчат». На Великой Отечественной музы не молчали — они воевали. Силами подвижников была издана, по сути, первая в стране поэтическая военная хроника, открывшая имена новых поэтов, поэтов-фронтовиков. Учеников Сельвинского назовут потом «стальным поколением», «окопными поэтами». Они сказали правду о войне раньше, чем её сказала проза.

У книжки была редколлегия, которая, очевидно, и готовила издание. В неё вошли три преподавателя Литинститута. Изданию сборника военных стихов предшествовала оживлённая переписка поэтов-фронтовиков между собой и с редколлегией. Трудно представить себе более неподходящее время для собирания по фронтам стихов бойцов, чем весна 1943 года. Тогда, после великих побед в зимнюю кампанию — прорыв блокады Ленинграда, триумф Сталинградской битвы — наступило время «оперативной стратегической паузы». До коренного перелома на Курской дуге ещё долгих три месяца.

А в Литинституте думают, чем бы порадовать своих товарищей в канун Первомая. Ведь первая книжная публикация — это лучший подарок для молодого поэта. Это и радость встречи, пусть и заочная, с друзьями «по перу и штыку», и продолжение, тоже заочное, семинара у взыскательного мастера.

Не все стихи сборника равноценны, но и авторы разные — и по возрасту, и по сроку ученичества у мастеров семинара поэзии. Самому старшему из авторов, Ивану Баукову, было 34 года, а самой молодой, Галине Шерговой, всего двадцать лет. И литературный опыт у всех был разный. Наровчатов и Луконин, прошедшие белофинскую войну, были уже признанными поэтами. Их печатали ещё в довоенное время. Остальные в литературу только входили.

Фронтвикам некогда было собирать свои архивы. Стихи пересылались полевой почтой, иногда даже открыткой. Наибольшую активность в переписке проявлял Борис Слуцкий. Он и на фронте оставался лидером среди друзей-поэтов, хотя сам во время войны стихов не писал. Зато задавал в письмах вопрос за вопросом: «Публикуется ли Луконин? Пишет ли Кульчицкий? Кто собирает их стихи?»

Участники семинара Сельвинского переписывались между собой, когда это было возможно. Много писем чудом сохранилось. Фронтвики испытывали сильный голод по пище духовной. Они вспоминают о книгах и стихах, просят присылать их как можно чаще. О боях и наградах упоминают скупно и как бы вскользь, между делом.

«Женька, давай встретим новый год вместе, — писал Евгению Аграновичу его сокурсник Борис Лебский. —

Многое я дал бы, чтоб повидать тебя, Павла, Львовского, но давать-то мне нечего». Упомянутый в письме Павел — автор знаменитой «Бригантины» Павел Коган, а Львовский — песни «На Тихорецкую состав отправится».

Они так и не встретились. Борис погиб, а Евгений прошёл всю войну, вернулся в Москву и закончил учёбу в родном Литинституте. Лебский за свою жизнь не увидел ни одной напечатанной строчки, не узнал, что в сборник вошло его стихотворение:

Так шли на запад. Сумрак, вечер,
Обед в пятиминутный срок.
Сто вёрст пройти на Запад легче,
Чем шаг обратно на Восток!

Многие, очень многие не получили этот удивительный сборник стихов: у кого изменился адрес, кого уже не было на свете. Самая счастливая пора в судьбе этой небольшой книжки пришлась на тяжёлую годину. Тогда она была востребована на фронте и в тылу. Её и называли-то по-военному — не сборник, а тетрадь. Тетрадь, которую можно уложить и в офицерский планшет, и в солдатский вещмешок, и в карман медсестринского халата. Потому и цена у неё такая высокая.

БОРИС ЛЕБСКИЙ

Погиб в 1943 году на Украинском фронте.

Передний край. Здесь ходят не кратчайшим —
Нижайшим из путей.

Вот этот куст — он наш, а дальше
Тот куст — ничей.
Ничья земля: белоголовик, донник,
Пустой окоп.
Всё это близко, всё как на ладони
И всё — как за морями — далеко.
Всё далеко: вокзал, свисток, платформа...
«Прости... — Прощай...» За ней
Москва, мелькнувшая за придорожным дёрном
Огнями москвичей.
Прости-прощай и то село, где ночью,
Среди пожарищ,
Штыками и прикладом бой закончив,
Мы задержались.
Прошли село: высотка, перекрёсток
Дорог степных.
Здесь мы стоим. Нам Родина — то место,
Где окопались мы.
Окоп глубокий, на бруствере воронки,
Следы опалин.
Здесь все свои, а посторонних
Мы закопали.

1942

ГАЛИНА ШЕРГОВА

В 1943 году ушла на фронт добровольцем, работала военным корреспондентом фронтовой газеты 5-й танковой армии. Кинодокументалист, сценарист. Одна из авторов ежегодной теле- и радиопередачи «Минута молчания».

По мостовым, походкой хрусткой,
Мохнатя ветви у берёз,
Он шёл, огромный холод русский,
Матёрый кряжистый мороз.
По стёклам окон, ветер злея,
Сорвётся с крыш, осатанев,
И утром прядь волос отклеишь,
Примёрзшую за ночь к стене.
И чтоб оттаять кирпичи,
Дыханье ломкое людское,
В заиндевелом Подмосковье
Дрова рубили москвичи.
От проливных октябрьских ливней
И до завьюжий января
Они плечистый лес валили
Четыре месяца подряд.
Где штабель человеку вровень,
Где кубометров номера,
Где руки от промёрзших брёвен
И с кожей трудно отодрать,
Где слово стынет возле рта,
Где гул как на переднем крае.
И ночь в иззябнувших сараях
Наполовину скоротав,
Мечтать об отдыхе на сутки
Про печек розовый накал.
И позабыть хоть на пока
Худые под шлеёй сосульки
На конских вытертых боках.
Но где-то в доме на Арбате
Коптилки тлеет уголёк,

Старик, от холода горбатый,
Лиловых рук не разомкнёт.
И мёрзлый кран водопровода
Тягучую не сплюнет воду.
И вновь в морозные разломы
Печально ухаёт земля,
Где по-упрямому, по-злому
Идут в столицу штабеля.
И сквозь распластанные ветры,
Через дорожный пережат
Насквозь промёрзших километров
Они оттуда видят, как,
Дыша сосновым перегаром,
Сползая ощупью со стен,
Ползёт дымок по тротуарам
И лижет собственную тень.
И пусть метель до глаз купает,
В колене пусть надломлен шаг,
Раз можно синими губами
Родимый город отдышать.

1941

ИВАН БАУКОВ

Участник двух войн — финской и Великой Отечественной, служил в Уральском добровольческом танковом корпусе. Ему довелось прожить после войны более 30 лет.

В ТЕПЛУШКЕ

Живые славят походы в веках...
И мёрзлый хлеб, и товарный вагон —

Романтикой будет всё, а пока
Шестые сутки идёт эшелон.

Шестые сутки теплушки стучат.
И мы, не смыкая глаз до зари,
О фронте думаем и говорим,
Вдыхая чугушки угарный чад.

Без сожаленья оставив уют,
Привыкли походные песни петь.
И я, ненавидящий смерть, пою
Славу оружию, несущему смерть.

1941

ВАСИЛИЙ ЗАХАРЧЕНКО

Участник обороны Москвы, демобилизовался в 1945
году в чине капитана.

Словно врублен силуэтом гордым
В небо предрассветное Москвы,
Бронзовую глыбу головы
Поднял он над затемнённым городом.
Пушкин!
Я не знал его таким!
В дни войны он здесь,
Он вместе с нами,
Стоя над ослепшими домами,
Над любимым городом моим.

Перед ним до края горизонта
Вдоль по Ленинградскому шоссе
День и ночь проходят люди фронта
К близкой прифронтной полосе.
Пушкин провожает их на бой
Молча,
С обнажённой головой...

1941

ЕВГЕНИЙ ПОЛЯКОВ

Летом 1941 года ушёл на фронт добровольцем. Погиб 25 октября 1942 года в Сталинграде на территории завода «Красный Октябрь».

Я хочу, чтоб ты думала обо мне,
Ночи думала обо мне,
Ночи бредила во сне
И думала, думала обо мне.
Я тебя очень любил весной,
Когда захлёбывались занавески,
И вечер, как густой настой,
До тошноты поил,
В глазах двоил,
А я стоял один
На площади на той,
На Пушкинской
(На бывшей на Страстной),

И говорить мне было
Не с кем.
О! Ты в те года была горда.
О! Ты в те года не ведала войну.
И я теперь, любимая,
Иду по городам,
Любимая,
Я именем твоим по городам
Окрапливаю тишину.
Но только тишина
Приходит очень редко
Сквозь миномётный гул
И самолётный гуд.
И даже в тишине
На самой тонкой ветке
Нас меткие кукушки стерегут.
И, может, в этот час
Я получу такую рану,
Что сердце остановится
В затянутом ремне,
И я к обеду
Неожиданно нагряду,
Когда подумаешь ты только
Обо мне.

1942

ЕВГЕНИЙ АГРАНОВИЧ

В первые дни войны ушёл добровольцем на фронт. В звании старшего лейтенанта закончил войну в Кёнигсберге. Поэт, прозаик, бард. Автор песен «Я в весеннем

лесу пил берёзовый сок» и «Вечный огонь» («От героев
былых времён...»)

СТАРУХА

Земля от разрывов стонала,
Слетала листва от волны,
И шёл, как ни в чём не бывало
Пятнадцатый месяц войны.

Старуха — былинка сухая,
Мой взвод, уложив на полу,
Всю ночь, бормоча и вздыхая,
Скрипела, как нож по стеклу.

Предвидя этап наступлений
И Гитлера близкий провал,
Её стратегический гений
Прогнозы с печи подавал.

Часа через три наша рота
В дальнейший отправится путь.
Кончайте вы политраблоту,
Позвольте, мамаша, уснуть.

А утром старуха — ну сила! —
Схватила за полу: постой!
И трижды перекрестила
Морщинистой тёмной рукой.

А я никогда не молился,
Не слушал звона церквей,

И сроду я не крестился.
Да я вообще еврей.

Но что-то мне грудь стеснило,
Я даже вздохнуть не мог,
Когда — «Мой сыночек милый,
Гони их, спаси тебя Бог!»

И растерял слова я,
С покорной стоял головой,
Пока меня Русь вековая
Благословляла на бой.

Да пусть же пулею вражей
Я сбит буду трижды с ног —
Фашистам не дам я даже
Взглянуть на её порог.

АЗ, БУКИ, ВЕДИ

Наталья Волкова

ВОДНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ

Три яйца,
Встав на бортик кастрюли,
В кипяток
По команде нырнули.

Совершали в воде
Процедуры
Для своей
Яйцевидной фигуры.

— Я сварилось!
Бросаю зарядку!
Прокричало яйцо,
То, что всмятку.

— Дайте воздуха
Свежий глоточек!
Подскочило другое,
В мешочек.

Только третье
В кастрюле осталось

И в бурлящей воде
Бултыхалось.

В восхищении замерли двое
И воскликнули: «Да-а-а, ты — крутое!»

КАК ПОЙМАТЬ УДАЧУ?

Удачу за хвост
Я пыталась поймать,
Она увернулась и —
Шмыг —
Под кровать.
Я в тесную щёлку
Залезла с трудом
И там об железку
Ударилась лбом.

По саду гонялась
За ней полчаса —
Вспорхнула Удача,
Взвилась в небеса.
Ловила её я
В воде под мостом,
Она уплыла,
Помахав мне хвостом.

Вернулась домой я одна,
Чуть не плача...
Смотрю —
А за мною

Плетётся
Удача!

Но как?!
Почему?!
А ответ очень прост:
Не любит она,
Чтоб хватали
За хвост!

БЕТОНОМЕШАЛКА

Машины стояли
На площади в пробке
И жались друг к дружке,
Как в тесной коробке.
Все очень устали,
И душно,
И жарко,
К тому же
Мешала бетономешалка!

Она постоянно шумела,
Пыхтела
И жалобы слушать
Совсем не хотела.
Не выдержал даже
Спокойный трамвай,
Сказал ей сердито:
— А ну, не мешай!
— Простите, — она отвечала,

Вздыхая, —
Мешать — это просто
Работа такая.

НЕСЧАСТНАЯ ШКОЛА

Не меньше,
Чем дети боятся укола,
Боялась детишек
Несчастливая школа.

Тряслись её окна,
И двери, и рамы
От вечногo крика,
От шума и гама.

Потрескались стены,
Поехала крыша,
Хотелось ей крикнуть:
«Пожалуйста, тише!

Куда бы мне спрятаться?
Где бы мне скрыться?
Слетаю я к морю,
Как вольная птица!»

Дверями взмахнула
Она на заре:
«Прощайте! Я к вам не
Вернусь в сентябре!»

ЛУННАЯ ДАЧА

Мама мне вчера сказала,
Что денёчков через пять
Едем с Курского вокзала
Мы на Месяц отдыхать!

Вот так новость! Ну и ну!
Мы поедем на Луну!
Представляю, как по саду
Я по лунному пойду,
Наныряюсь до упаду
В лунно-кратерном пруду.
Приведёт меня дорожка
Прямо к Млечному пути,
Молока попью немножко,
Прежде, чем назад пойти.

Но от смеха, чуть не плача,
Мама смотрит на меня:
— Едем за город на дачу
Мы на месяц... и три дня!

ЗАКАЗ

Божья коровка!
Полети на небо,
Принеси нам хлеба,
Чёрного и белого,
Винограда спелого,
Макароны и редиску —
Всё по маминому списку.

А конкретно мне — конфет,
Чипсов, семечек пакет.
Дома я сейчас один —
Лень тащиться в магазин.

Людмила Уланова

ИЗ РАССКАЗОВ ДЕВОЧКИ ЛЁЛЬКИ, КОТОРУЮ НА САМОМ ДЕЛЕ ЗОВУТ МАРГАРИТА

ПРО АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ

Мама устроила девичник. Ну, то есть это она так сказала, а на самом деле просто позвала подружек. Они, конечно, тётеньки, а не какие-нибудь там девицы. У тёти Вики и у тёти Сони дети совсем уже взрослые — не то в пятом классе, не то в шестом — и в гости со своими мамами не ходят. Зато тётя Лера пришла с сыном Стасиком. Он второклассник и великий изобретатель — что хочешь придумает, хоть космический корабль, хоть подводную лодку, просто у него пока не все нужные детали есть. Со Стасиком очень здорово играть, он всегда что-то интересное рассказывает и показывает и ни капельки не воображает.

У тёти Лены детей пока нет, у неё совсем недавно свадьба была. Зато тёти-Ленина племянница Розка — моя лучшая подруга! Она учится в первом классе и тоже очень много знает, не меньше Стаськи. Розка увлекается всякими древностями и приключениями и всё время

что-то такое читает и смотрит, а потом рассказывает мне по телефону. Мы очень редко видимся, потому что живём в разных концах города. В этот раз тётя Лена взяла Розку с собой, и я была ужасно рада!

Мы втроём ушли в мою комнату, играли там и болтали. Стаська притащил из дома бинокль. Он сказал, что это бабушкин, она с ним раньше в театр ходила, а он его как-то усовершенствовал.

— Ух ты! — Розка навела бинокль на окно, а точнее, на то, что за окном.

Она долго крутила колёсико, всматривалась, а потом заявила:

— Вижу скифский курган.

— Что видишь?!

Мне казалось, что я все окрестности очень хорошо знаю и ничего необычного у нас тут нет.

— Скифы — это такой древний народ, — объяснила Розка, отняв от глаз бинокль. — От них курганы остались, как от египтян пирамиды. Археологи в этих курганах столько всего находят!

— А разве скифы тут водились? — усомнился Стаська.

— Водились! — фыркнула Розка. — Про людей так не говорят! Это звери водятся, а люди живут. Да, про нашу местность ничего такого неизвестно. Значит, открытия ждут тех, кто не побоится их совершить! И это будем мы. Вперёд!

— Куда? — не поняла я. — Ты покажи, что ты там такое разглядела.

Розка снова навела бинокль и передала его мне. Я посмотрела и увидела то, что видела тысячу раз, только не в бинокль, — пустырь неподалёку от нашего дома, заросший лопухами и лебедой. Все соседи удивляются,

что его до сих пор не застроили. Наверное, просто не успели.

На пустыре торчал холм, тоже покрытый сорняками. Наверное, это и был курган.

— Так! Необходимо провести раскопки. Лопаты есть?

— Есть, — радостно ответила я.

Как раз недавно мы с мамой разбирали мои старые игрушки, решали, что оставить, что знакомым отдать, что выбросить. И обнаружили целых три пластиковые лопаты, про которые я забыла. Пусть теперь послужат науке!

Мы отпросились погулять и отправились на пустырь. Этот холм-курган оказался до того заросшим всякой ерундой, что до земли было не добраться. Мы стали руками дёргать бурьян — от пластиковых лопаток толку было мало. Вдруг Розка завопила:

— Ага! И с победным видом предъявила нам какое-то колёсико.

— Это колесо от скифской колесницы!

— Какое-то оно маленькое... — протянула я, но не очень уверенно.

Вообще-то я не очень представляю, как выглядели скифские колесницы.

— Думаешь, у скифов пластик был? И резина? — хмыкнул Стасик.

— А откуда мы знаем? И вообще, может, это какие-то неизвестные материалы.

Стасик не стал спорить, он вообще человек мирный. Вскоре он радостно воскликнул:

— Ну надо же! Всадник!

Из бурьянных дебрей он выудил маленькую металлическую фигурку всадника, ещё через некоторое время — коня, уже без всадника, а потом и пешего воина. Стаська

удивлённо разглядывал их и бормотал: «Неужели и правда скифы? Не может быть!», — а Розка торжествовала.

Но самая потрясающая находка досталась мне. Углубившись в лопуховый лес и нахватав репейных шариков на свитер, я увидела, как что-то блеснуло на земле. Это оказалась серёжка — изящная веточка с цветком.

— Вот оно, золото скифов! — Розка аж задохнулась от волнения.

Я порадовалась, что у меня на джинсах есть карман с молнией. Туда я и спрятала драгоценную находку.

Стасик задумчиво произнёс:

— Не пойму: почему всё лежало на поверхности, а не в земле? Эти скифы тут вчера проскакали, что ли?

Но сбить с толку Розку никакому второкласснику не под силу, даже самому умному.

— Дожди размыли почву, и вода подняла эти предметы на поверхность. А представляете, сколько всего внутри кургана!

Наконец мы кое-как освободили кусок холма от растений и начали копать. Копали-копали, копали-копали, но ничего больше не находилось. Честно говоря, я уже устала после борьбы с бурьяном и обрадовалась, когда Стасику позвонила мама и попросила вернуться. Мы, конечно, пошли с ним, хотя Розка и ворчала, что настоящие археологи так бы не поступили.

Около дома мы встретили тётю Наташу с четвёртого этажа. Она гуляла с трёхлетним сыном Борей, но, похоже, это была не прогулка, а мучение. Толстый Борька сидел у неё на руках и канючил. Как она его удерживала — не представляю!

— Вот, — пожаловалась тётя Наташа, — без своего велосипеда гулять не желает. Отказывается сам ходить. Борюсик, пойми, маме тяжело!

Она поставила сына на землю, и тот тут же начал орать, как сирена «Скорой помощи».

— А почему вы велосипед не взяли? — спросила я.

— Может, помочь вам вынести его? — тут же вызвался Стасик.

— Да мы вчера колёсико от него потеряли, — вздохнула тётя Наташа. — Он такой, знаете, двухколёсный с двумя дополнительными колёсиками...

Вдруг Боря успокоился и радостно потянул руки к Розке.

— Сипед! — закричал он. — Сипед!

Тут и его мама увидела наше скифское колесо и просияла:

— Нашлось! Ох, спасибо, ребята! А я по этой траве ползала, ползала, мало того что колесо не нашла, так ещё и серёжку потеряла.

Я полезла в карман за золотом скифов.

— Эту?

Ну, в общем, что тут долго рассказывать... Скифские воины оказались Борькиными игрушками из киндеров. Мы все вместе поднялись с тётей Наташей, Стасик помог ей приделать колесо к велосипеду, а она вручила нам огромный пакет конфет. Как мы ни отказывались, а пришлось взять. И тётя Наташа снова отправилась на прогулку со своим скифом.

Когда мы все в грязи, но зато с конфетами появились в нашей квартире, мама только спросила:

— Откуда?

То ли откуда мы такие красивые пришли, то ли откуда конфеты...

И я честно сказала:

— Это премия за археологические раскопки.

Мы со Стаськой радовались, что всё так здорово получилось, а Розка скисла. Но Стасик ей сказал:

— Ты не расстраивайся! Около моего дома такая пещера есть — закачаешься! Там не то что скифы, а какие-нибудь неандертальцы, наверное, жили. Можно будет раскопки устроить. Я изобрету подходящую технику, чтобы дело быстрее продвигалось. Хочешь?

— Хочу! — ответила Розка и сразу повеселела.

А я подумала: как жалко, что мы все трое не живём в одном дворе. Мы бы вместе такое раскопали!

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ С КОРОВОЙ

У меня день рождения в июне. Я стала думать, кого пригласить, и вдруг оказалось, что приглашать-то некого! Моя подружка Розка закончила первый класс и уехала в лагерь, все ребята из нашего дома тоже разъехались кто куда.

— Да, неправильное ты время выбрала, чтобы родиться, — покачал головой папа. — Вот пойдёшь в школу — в июне каникулы будут, никого не соберёшь. А в университет поступишь — там в это время тоже не до праздников! Сессия — пора тяжёлая...

— Что ты ребёнку голову морочишь? — возмутилась бабушка. — Она ещё в школу не ходит, а ты её уже сессиями пугаешь. Лёля и не знает, что это такое.

Но я, конечно, отлично знаю: это когда студенты экзамены сдают. У папы как раз сейчас сессия, только он экзамены не сдаёт, а принимает. Но в мой день рождения у него экзаменов нет.

Вот он и предложил:

— А давайте в лесу отметим? Устроим пикник! — И вопросительно посмотрел на маму. Мама сначала задумалась:

— Не знаю... Работы много... — А потом махнула рукой: — Ладно! Вырвусь как-нибудь на денёк.

Я запрыгала и завопила «Ура!» на всю квартиру. А вот бабушка прыгать явно не собиралась.

— Ещё чего не хватало! И что вас вечно в лес тянет? Прямо про вас поговорка: сколько волка ни корми, он всё в лес смотрит! А что там хорошего? Грязь одна! Пауки ядовитые! Во-от такие! — И бабушка показала размеры пауков — примерно с футбольный мяч.

— Нет в нашей местности никаких ядовитых пауков, — категорически возразил папа.

— Мышей в вашем лесу тоже нет? — спросила бабушка таким ехидным голосом, как будто один из во-от таких пауков успел поделиться с ней своим ядом. — А мыши, между прочим, разносят заразу!

Я сразу представила, как мы подъезжаем на электричке к лесу. По вагонам, как обычно, ходят продавцы и разносят свои товары. Папа этих людей, которые в электричках торгуют, называет электрическими торговцами. Сначала мимо нас идёт тётенька и предлагает суперчистящие суперзубные суперщётки. Потом дяденька пытается всем навязать супервыводитель суперпятен. А за ними появляется мышь и тонким голосом кричит:

— А вот кому заразу? Новейшую, суперсовременную, особо прочную, с гарантией! Изготовлена в суперсекретных лабораториях Японии!

Но все старательно отворачиваются и не хотят ничего покупать. Щётки-то никто не берёт, а заразу тем более. Мне становится жалко мышку, и я хочу достать из рюкзака

зака бутерброд, чтобы хоть как-то её утешить. Рюкзака почему-то нет. Потеряла?!

Я огляделась по сторонам, и тут до меня дошло, что никуда мы ещё не едем, а у меня, как обычно, разыгралось воображение — это так бабушка про меня всегда говорит. Но сейчас ей было не до меня, она была занята: спорила с родителями. Всё-таки удивительно, до чего у меня бабушки разные! То есть они, конечно, обе хорошие, но бабушка Зина, папина мама, больше всего на свете любит лес. Она как уедет в мае на свою дачу, так её оттуда до октября никакими плюшками не выманишь. А мамина мама, бабушка Дина, лес терпеть не может и не понимает, почему мы туда рвёмся. Каждый раз, когда я уезжаю на дачу, она меня провожает так, будто я в Тридесятое царство еду к Змею Горынычу на съедение.

А сейчас она сердито сказала:

— Семь лет ребёнку исполняется, такая важная дата! Нет бы отметить по-людски, родственников пригласить — едут грязь на себя собирать.

Маме кое-как удалось её успокоить, сказав, что родственников мы позовём в воскресенье, а в лесу всю грязь будем обходить стороной.

И вот он наступил — мой день рождения! Я быстренько рассмотрела подарки, мы позавтракали и поехали.

Лес похож на Интернет. По нему тоже можно бродить бесконечно и каждый раз находить что-то новое. Только из Интернета меня всегда выгоняют ровно через полчаса, а лес в этот день был весь мой. Ну и мамин и папин немножко. Я перебежала от муравейника к колокольчику, от сосны, до которой пытался достучаться дятел, к берёзе, украшенной огромным полосатым древесным грибом. Хотелось разглядеть всё!

Ещё мы собирали землянику. А это всегда весело. Вот, например, черника — скучная ягода. Хорошо, что в июне её ещё нет. Как набредёшь на хороший черничник, так и застрянешь там на полдня. Искать ничего не надо, только собирать, как с грядки. Ну и что в этом интересного? И цвет у черники скучный. Потом ещё и руки не отмыть, и штаны все в фиолетовых пятнах! А землянички — каждая как яркий огонёк, на который бежишь издалека.

Ходили мы, ходили и есть захотели. Значит, пора пикник устраивать! Мама начала разгружать большой папин рюкзак. Прежде всего она достала оттуда корову. Нет, не живую, конечно. И даже не игрушечную. Коровой у нас в семье называется старое бабушкино покрывало. Вообще-то на нём нарисован олень, но я, когда была маленькая, всё время показывала на него и упорно говорила: «Корова!» Так это название и прицепилось. Потом бабушка решила, что это покрывало старомодное, и перестала им пользоваться. Теперь мы его таскаем с собой и на пляж, и в лес — очень удобно. И продолжаем называть коровой.

Вообще у нас много таких семейных названий, которым посторонние люди удивляются, если случайно услышат. Например, холодильник зовётся «слон». Раньше у нас холодильник был маленький, места в нём всё время не хватало, и наконец купили огромный, под потолок! Я как его увидела, только и смогла сказать:

— Это не холодильник, это просто слон какой-то!

Родители посмеялись и стали его слоном называть. Ещё у нас есть сумка по фамилии Пушкин. По телевизору часто говорят: «Пушкин — наше всё!» Я не очень понимаю, что это значит, но слышала сто раз. Так вот,

когда мы с родителями отдыхать ездим, всегда берём с собой сумочку, в которую они кладут деньги и важные документы. И постоянно её с собой таскают. И мама беспрерывно повторяет:

— Только не потерять! Только не потерять! Это же наше всё!

А папа ей в ответ:

— Наше всё — это Пушкин!

Так сумка стала Пушкиным. А мои тапочки называются «морды». С ними вот как получилось: когда-то мне подарили тапочки не то в виде зайцев, не то в виде собак, не то в виде кошек — мы их по-всякому крутили, но так и не смогли понять, кто там изображён.

— Мда-а, — вздохнул папа, — ну и морды.

С тех пор тапочки стали зваться мордами. А самое смешное случилось потом: я из этих котозайцев очень быстро выросла, мне купили другие тапочки, обычные, без всяких зверей, просто красные с помпошками. Но название перешло к ним по наследству. И те тапочки, которые я сейчас ношу, голубые с вышитыми снежинками, мы тоже называем мордами. Как-то у нас сидела мамина подруга тётя Вика. А я не могла найти одну из тапочек и спросила:

— Мам, ты мою левую морду не видела?

— Под диваном поищи, — ответила мама.

Тётя Вика на нас та-ак посмотрела! По-моему, она решила, что мы немножко с ума сошли. И когда я вытащила тапочку из-под дивана и радостно закричала: «Вот она!», тётя Вика, кажется, ни капельки не успокоилась и со словами «Вам, наверное, пора отдохнуть» засобира-лась домой.

Эти словечки обычно только наши — мамыны, папины и мои. Бабушка всё это называет глупостями и говорит, что мама с папой впадают в детство и засоряют голову ребёнку. Но недавно я случайно услышала, как бабушка говорила дедушке:

— Сходи в магазин. Хотела омлет сделать, заглянула в слона, а в нём ни капли молока.

Слышала бы её тётя Вика!

Ну вот, я как всегда, отвлеклась. Я же про день рождения ещё не дорассказала.

Мы уселись по краям коровы, а в середину мама положила еду и поставила сок. Правда, оказалось, что она перепутала и вместо пакета с пирожками взяла из дома пакет с гречкой. Ещё она зачем-то прихватила банку с консервированными персиками, хотя её в лесу открывать нечем. Но это мелочи! Всё равно получился настоящий праздник, мы даже чокнулись пластиковыми стаканчиками. Их мама взять не забыла.

А потом на нашу корову села бабочка. У неё были красно-коричневые крылья, а на них — четыре пёстрых кружочка.

— Это павлиний глаз, — сообщил наш всезнающий папа. — Видите кружочки, похожие на глаза? Они напоминают узор павлиньего хвоста.

— Ну и назвали бы «павлиний хвост», — сказала мама. А я только прошептала:

— Какая красивая...

— Нравится? — спросил папа так гордо, как будто он сам эту бабочку вырастил. — Я тебе её дарю на день рождения.

— Как это? — не поняла я. — Она же сейчас улетит?

— Конечно, улетит, — кивнул папа, — чего ей с нами сидеть? Бутерброды с колбасой она не ест. Но она будет летать и думать: «Я Лёлькина бабочка».

Тут бабочка взмахнула своими глазастыми крыльями и улетела.

А мы ещё долго пировали на корове, потом опять гуляли по лесу — тоже долго. Вернулись домой очень поздно, еле переставляя ноги. Бабушка сразу стала охать и гнать нас в ванную — как будто непонятно, что мы там всё равно одновременно все не поместимся. А вот кошка Булка нас почему-то не встречала. Наверное, обиделась, что мы на целый день уехали. Она очень не любит, когда меня нет дома. Я пошла в свою комнату. Булка сидела там. Выражение морды у неё было презрительное. Неужели действительно сердится?

— Вот эта, — Булка мотнула головой куда-то в сторону стола, — утверждает, что она твоя. Что её тебе подарили. Врёт, конечно?

Со стола поднялась бабочка и села мне на руку.